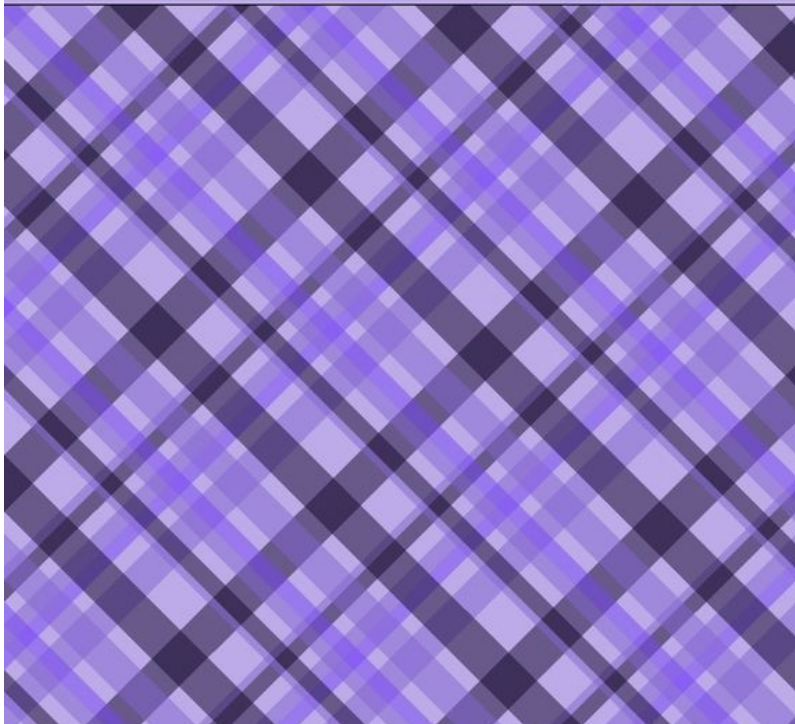

Екатерина Кузьменко

Крылья

Екатерина Андреевна Кузьменко

Крылья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17070979

ISBN 978-5-4474-4502-7

Аннотация

А вы когда-либо мечтали о крыльях? Появись они у вас однажды – к лучшему ли изменится ваша жизнь? Главной героине, Ангелу, придется это выяснить, заодно задавшись вопросами о своей судьбе. Можно ли с ней бороться? Обязательно ли человек должен следовать так называемой предопределенности? И является ли каждый сделанный им выбор действительно его выбором, а не еще одним поворотом колеса Фортуны?

Содержание

1	5
2	14
3	21
4	24
5	29
6	36
7	42
8	48
9	69
10	73
11	76
12	80
13	86
14	92
15	98
16	102
17	107
18	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Крылья Екатерина Андреевна Кузьменко

© Екатерина Андреевна Кузьменко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он называл ее Ангелом.

Как же ей нравилось, когда он нежно обнимал ее, прижимал к себе и шептал это слово ей на ухо...

Она очень любила его.

Для нее он был Медведь. Нет, вовсе не потому, что неуклюжий и страшный. Просто он был мягкий и уютный, как медвежонок, причем именно плюшевый. Вот только «медвежонок» – какое-то неправильное, даже слишком детское слово для него... Верно звучало именно «Медведь», однако смысл в это имя она вкладывала другой – «Медвежонок». Она и сама не заметила, как стала сплавлять оба слова в одно. Так и появился медведь-медвежонок, добрый и ласковый, но в то же время грозный и сильный.

Ей с ним было спокойно. Она чувствовала, что он сможет защитить ее, что бы ни случилось. А он был всегда готов и рад ее защищать, ограждать от всех бед, помогать во всем, словно она была не девушка, а цветок, хрупкий и слабый. Или словно она была не его невеста, а его дитя, за будущее и саму жизнь которого он просто обязан отвечать, пусть даже и ценой своей собственной жизни.

Они любили друг друга и собирались пожениться осенью.

Сейчас же было лето. Она плохо переносила лето с его жарой и вечным отсутствием ветра, но и зиму она не любила –

холод всегда заставлял ее цепенеть, словно впадать в спячку. Она очень плохо соображала зимой, и ей это совсем не нравилось. Не нравилось гораздо сильнее, чем прочие зимние неприятности: покалывание во всем теле, когдаходишь до-мой с мороза, немеющие пальцы рук и ног, раздражающий иней на бровях и ресницах, вечно наэлектризованные шап-кой волосы, вечно обветренные и потрескавшиеся губы...

Но сейчас было лето. Она целыми днями изнывала от жа-ры и безделья, не зная, чем себя занять.

Летом ей совершенно не хотелось рисовать.

А ведь это была ее, пожалуй, единственная большая лю-бовь, кроме Медведя. Бывало, она с самого утра, даже не умывшись, хватала кисточку и рисовала, рисовала, рисо-вала до тех самых пор, пока желудок не начинал буквально стонать от голода. Тогда она несколько (но лишь слегка) при-ходила в себя и отправлялась завтракать, рассеянно намазы-вая черный хлеб вареньем, а кофе порой разбавляя апельси-новым соком (который, кстати, терпеть не могла и в обыч-ном виде) – настолько весь ее разум, все чувства и ощущение были поглощены картиной.

Обычно она рисовала свои сны.

Иногда – портреты друзей и знакомых, совсем редко – ви-ды из окна, и никогда – фантазии. Ей не было нужды при-думывать объекты, сюжеты, даже малейшие детали – все это она уже видела в своих снах, так что утром оставалось лишь успеть воспроизвести все великолепие черт и оттенков све-

жеприснившегося, пусть даже и в виде грубого наброска – только бы ничего не забыть.

И все равно, она никогда не могла нарисовать сон так, как его видела. Чего-то всегда не хватало. Что-то всегда забывалось. Какая-то упрямая мелочь все равно успевала выскользнуть буквально из-под кисточки и где-то потеряться.

К тому же она никак не могла передать звук. Запахов она никогда во сне не ощущала, но вот звук... Это была обязательная, неотъемлемая часть сновидения, никак не поддающаяся карандашам и краскам.

Это всегда очень злило ее, часто даже выводило из себя, но любовь к рисованию каждый раз успокаивала и заставляла в себя вернуться, снова взять кисть – и творить. Пусть даже исключительно ради самого процесса.

Но летом ей совершенно не хотелось даже смотреть на чистый холст перед собой. Никакие образы не начинали проситься на него, рука не тянулась к кисти. Да и сны ей летом снились неинтересные.

Так было всегда, сколько она себя помнила.

Но тем утром она проснулась сама не своя. Комнату заливал яркий солнечный свет. Душно еще не было, но жара уже набирала силу, готовясь к полудню.

А она проснулась в холодном поту.

Причем она вовсе не была уверена, что видела кошмар. Вроде бы, не было ни погони, ни монстра, выползающего из темного угла, ни пожара... Ничего, что обычно пугало ее.

Просто отчего-то она проснулась с чувством странной, настойчивой тревоги. И что-то ей подсказывало, что это ощущение совсем не собирается исчезать с остатками сна.

Медведя дома уже не было. Он никогда не будил ее, собираясь утром на работу, или возвращаясь после ночного дежурства – не хотел тревожить сон своего Ангела. И она была ему за это благодарна, ведь она так любила поспать утром подольше... Но сегодня ей очень хотелось, чтобы Медведь был рядом. Если бы он ее разбудил, она могла бы и вовсе не увидеть того сна, которого теперь и вспомнить-то была не в состоянии... Да даже если бы он сейчас просто был рядом, она бы обняла его, уткнулась носом в плечо, потом рассказала бы о своем страхе – и они оба от души посмеялись бы. Ведь все ее проблемы всегда казались такими нелепыми, мелкими, почти что детскими – когда она решалась озвучить их ему. И самым забавным всегда было то, что перед этим она неделями билась один на один с совершенно надуманными бедами, изводила и себя и Медведя мерзким настроением и необъяснимым пессимизмом, а решалось все за пять минут разговора и один долгий поцелуй.

Как бы ей сейчас этого хотелось... Просто раствориться в своем Медведе и забыть о том, что проблемы (какие бы то ни было) вообще существуют.

Она потянулась, всеми мышцами ощутив странную усталость, будто ночью вовсе и не спала, откинула одеяло и спустила ноги на пол.

Они ходили дома без тапочек. Обоим слишком нравилось ощущать босыми ступнями разные комнаты: мягкий белый ковер спальни с пушистым ворсом, несколько шершавый жесткий зеленый палас гостиной, холодную бирюзовую плитку ванной, теплый каштановый ламинат кухни.

С усилием прогнав оцепенение, она все же встала и прошлепала в ванную. Прежде всего по утрам нужно было умыться. Без этого глаза оставались заспанными, мозг еще долго не включался и весь мир казался совсем далеким. Только холодная вода могла вырвать ее из царства сна. Наконец она подняла голову от раковины. Из зеркала выглянула бледная девочка с всклокоченными волосами и темными кругами под глазами. Да, эта девочка явно ночью плохо спала... Хотя и не помнила, чтобы просыпалась или часами ворочалась, не в силах уснуть...

Ангел причесалась и стала убирать волосы в хвостик – иначе они всегда падали на лицо, чем сильно ее раздражали.

Тугая резинка соскочила с пальцев и больно шлепнула ее по шее, отскочив куда-то на пол. Ангел ойкнула, потеряла неприятно пощипывающий ушиб, снова хмуро посмотрелась в зеркало и опустила на корточки – резинка сама собой не найдется.

Да уж, чудесно начался новый день. Пожалуй, на улицу сегодня выходить она не станет.

Мало ли что.

Обычно по утрам она очень хотела есть. Первым делом

после умывания она отправлялась на кухню – если только не рисовала. Но сегодня есть не хотелось. Она все никак не могла отделаться от гнетущего ощущения тревоги. Вспомнилась пора экзаменов в институте – тогда ее точно так же подташнивало на нервной почве. Но тогда она хотя бы точно знала, чего боялась. Или кого.

Холодный душ прояснит голову. Всегда проясняет. Она включила воду, положила резинку (которая нашлась на удивление быстро) на край раковины и разделась. Переступив бортик ванны, Ангел слегка содрогнулась от холода, но почти сразу расслабилась, зажмурилась и подставила лицо под свежие струи – так и правда стало легче.

Немного геля для душа на мочалку – запах лаванды должен поднять настроение на весь день. Все как обычно. Мочалкой по рукам, плечам, шее, а от шеи на спину... И вдруг ей стало больно. Она не поняла, в чем дело. Может, просто мочалка слишком жесткая? Нет, такого можно было бы ожидать только от совсем новой, а эта старая и давно уже выцветшая... Одной рукой она держала мочалку, недоуменно смотря на нее и часто моргая, пытаясь не дать воде попасть в глаза. Второй рукой она потянулась через плечо к спине – к центру боли. Может, она чем-то ободрала кожу? Или что-то потянула?

Но крови не было. Кожа на месте. А вот под кожей пальцы нашли что-то лишнее... Какой-то бугорок. Оторопев, она уронила мочалку в ванну и второй рукой стала спешно ощу-

пывать другое плечо. Нет, совершенно определенно, что-то не так... С левой стороны все было нормально, а справа... Справа четко ощущалась какая-то шишка, припухлость... Что-то, чему там совсем не место!

Она испугалась.

Быстро смыв остатки пены, она выключила воду и выбралась из ванны. Завернувшись в полотенце, поддерживая узел спереди левой рукой, вытираться не стала, рванулась спиной к зеркалу... Черт, до чего же неудобно, голова так просто не приспособлена поворачиваться... Ей было очень плохо видно. Но что-то там, вроде, было...

Она наспех вытерлась, вновь поморщилась от боли, задев припухлость, и отправилась искать фотоаппарат. Да, это похоже на паранойю, она понимала. Она бы и сама посмеялась в другое время над своим поведением, но увы... Сейчас ей было не до смеха. Ей необходимо было выяснить, в чем дело.

Теперь тревога перерастала в панику.

Настроив таймер и поставив фотоаппарат на полку книжного шкафа, она отошла и встала лицом к стене напротив. С ее же картины на нее смотрел зеленый еж. Это был один из самых глупых снов, какой ей когда-либо снился. Дожидаюсь щелчка и вспышки из-за спины, она угрюмо взирала на противоестественное существо и совершенно не могла понять, зачем повесила его в своей квартире.

Щелчок. Черт, снимок смазался... Вторая попытка. Не шевелиться... Хоть бы удалось. Третий раз посмотреть в из-

девательские глаза этого ежа она не сможет – просто-напросто сорвет его со стенки и вышвырнет с балкона вон.

Щелчок. Ежу повезло, она тут же напрочь о нем позабыла, с головой уйдя в изучение фотографии. Определенно, это не самый лучший ее портрет. Замотанная в полотенце тощая фигурка, плечи голые, по сторонам от головы таинственным ореолом торчат зеленые иголки. А под правым плечом красноватая припухлость... Небольшая... Наверное, сантиметр в диаметре.

Увидев источник своей тревоги, она слегка успокоилась. Варианты, варианты... Ей нужны были варианты, возможные причины, объяснения... Может, какое-то насекомое укусило? Во сне, потому она и не помнит. Почему болит? Ну, наверное, какое-то ядовитое насекомое. А может, инопланетяне ночью вживили под кожу чип? Нет, это интересно, конечно, но просто смешно... А вот что, если эта шишка – опухоль? Раковая? И что это тогда, рак спины? Глупо. Кожи? Странно, в таком-то месте... Да она ведь и мало бывает на солнце. А вдруг все же?.. Нет, вот такие варианты ей точно не нужны.

Она выдохнула, сделала глубокий вдох и снова выпустила из себя воздух, надеясь с ним избавиться и от вновь подползавшего страха. Она решила: ведь за день ничего такого с ней не приключится, а вечером придет Медведь, пусть он и думает, он же из них двоих врач, в конце концов. А то она сейчас много чего еще себе нафантазирует.

На обратном пути в ванную, в коридоре, она пару раз поворачивала рукой, потом вытянула ее, как только могла высоко, к потолку. Да, больно... Но болят определенно не мышцы... Больно именно в той точке, и словно кто-то сверлит ее тело внутрь, к скелету...

Так, все! Забыли об этом! Она ведь уже решила – пора завтракать!

К вечеру жара спала. Приятный ветерок разносил по городу аромат цветов. Медведь шел домой. Он был счастлив. Ведь возвращался он с любимой работы к любимой девушке. И правда, ему несказанно повезло в жизни – он ведь, если подумать, один из очень немногих действительно абсолютно счастливых людей!

Он шел, наслаждаясь летним теплом, радуясь солнцу, которое еще и не собиралось заходить, несмотря на подступающую ночь. Он очень любил лето. Не ту удушающую жару, что царила в этом году, нет. Но лето такое, каким оно было сейчас. Нежное, светлое, ласковое, теплое, убаюкивающее.

Ему даже хотелось петь. Люди вокруг не поняли бы, конечно. Но какое ему дело до людей? Ведь жизнь так прекрасна! Однако петь он все-таки не стал. Не всем ведь так хорошо, как ему: он вполне может кого-то не то, что удивить, а и рассердить своим пением. А будучи врачом, он очень хорошо научился уважать чувства окружающих. Все-таки ему было дело до людей.

Как же хорошо, когда работа недалеко от дома! У них, конечно, была машина. Но пользовались ей редко. Ангел лишь время от времени выбиралась из квартиры, а он предпочитал пятнадцать минут прогуляться по свежему воздуху, чем те же пятнадцать минут мучиться в консервной бан-

ке. Экономии времени нет, а машину еще надо со стоянки забрать, на светофорах постоять, припарковаться, да к тому же при ходьбе пешком заправлять машину не требуется. Нет, он не скряга. Но экономия – это ведь хорошо. Он ведь не в ущерб кому-либо экономит.

Ммм, а вот и дом показался. Как же все-таки все хорошо. И дом красивый... Такой красивый, когда весь вот так залит светом! Солнце отражается во всех его окнах, слепя глаза, создавая впечатление, что внутри дома только что произошел мощный взрыв, и время застыло – стекла еще не вылетели, но внутри все объято огнем, мощным, белым, сжатым пламенем, поглотившим абсолютно все... Но это не злой огонь, это чистый свет... И где-то там, внутри, посреди этого света, его ждет его Ангел... сама порождение света. Нежная и мягкая, смешная и нелепая со своими фантазиями и причудами, но до слез трогательная... Он очень любил ее. Он просто не мог дожидаться того момента, когда она откроет ему дверь и он снова обнимет ее.

Жаль, что ему нужно работать. Ведь так они могут общаться только вечером. И то не всегда. График работы у него ненормированный, порой его не бывало дома ночью и днем приходилось отсыпаться. А хотелось гораздо большего. Пусть даже и не общаться, а просто быть вдвоем. Вместе. Но не разлучаясь ни на миг.

Тем временем Медведь уже добрался до своего подъезда. Подъезд как подъезд, люди в нем живут разные: кто-то пыта-

ется выставлять на окна цветы в горшках, чтобы было уютно, а кто-то складировает окурки и пивные бутылки... Он не хотел замечать эту грязь. Это неизменно приводило к печальным мыслям о будущем человечества.

Звонок в дверь. Он успел сосчитать только до трех, пока дверь не открылась. Значит, она его очень сильно ждала, буквально сторожила под дверью... Как же приятно! Его сердце подпрыгнуло от радости, но тут же замерло, на мгновение перестав биться.

Одного лишь взгляда на нее хватило, чтобы понять – сегодня плохой день. Его Ангел несчастна. И он очень ей нужен, потому она так и ждала его, долго и отчаянно... По ее испуганным, затравленным глазам все сразу было ясно.

– Родная моя, что случилось? – встревожено спросил он, едва успев перешагнуть порог и закрыть за собой дверь.

– Да нет, нет, ничего, мелочи... Ты проходи, – отозвалась она, нервно теребя пальцами выбившуюся из хвостика прядь волос.

Он насторожился. Когда она вот так пыталась вести себя непринужденно и спокойно, хотя во всем облике сквозило что-то темное, мрачное, тревожное, он всегда сразу видел контраст, резкое несоответствие между тем, как она выглядела и как пыталась выглядеть. Вот и сейчас он сразу заметил, что все было далеко не в порядке, что это были далеко не мелочи, а что-то крайне серьезное. Молча, он разулся и сходил помыть руки. Когда он вышел из ванной, она уже

заваривала чай на кухне.

Медведь сел за стол.

– Ну, рассказывай.

– Да тут особенно и не о чем рассказывать... – Однако на нее было больно смотреть. Такой потерянной он ее давно не видел.

– И все же?

– Ну, я утром проснулась... часов в девять. Рано для меня, правда? Сама не ожидала, а день в итоге был такой длинный, что я даже не знала, куда девать время...

– Так, давай ближе к делу. Что именно тебя беспокоит?

Она нахмурилась и слегка надула щеки, думая, как сформулировать свою мысль. Конечно, она весь день репетировала эту речь, прикидывала, как именно описать ему свои ощущения, но теперь все слова растерялись. В итоге она просто подошла к нему, повернулась спиной и отдернула воротник футболки.

– Вот.

– Что – вот?

– Ну ты разве не видишь? Красное пятно на спине?

– Подойди поближе, – Медведь притянул ее к себе за талию. – Нет, так не вижу.

– Ну тогда встань! – она явно нервничала. На нее довольно часто накатывало такое состояние, и потому он уже знал, как себя вести, чтобы не спровоцировать бурю – необходимо потакать и во всем слушаться.

Он встал, но все равно ничего не видел.

– Ну что же ты, слепой??? Точно тебе говорю, оно там!

Так, она начала сбиваться на истерику... Плохо дело, надо было быстро что-то сказать, чтобы она успокоилась. Он начал нежно массировать ей плечи.

– Солнышко, ну значит, что бы там ни было, оно уже прошло. Не о чем волноваться, – утешал он, все глубже разминая ее мышцы.

– Да ты ведь просто невнимательно... Ой! Вот, вот именно там! – Она резко изогнулась, слово ее в спину кто-то ударил ножом.

Так, значит, он просто не там искал. Гораздо ниже, чем можно разглядеть, всего-навсего оттянув воротник в сторону.

– Снимай футболку.

– Ох, ты невозможен! Я к тебе с серьезной проблемой обращаюсь, а ты ведешь себя, как...

– Как врач. Давай, это обычный осмотр.

Стаскивая футболку, она что-то бормотала себе под нос. Ткань и волосы слишком сильно приглушили ее голос, чтобы Медведь мог хоть слово разобрать в потоке ворчания. Понятно было только, что ее крайне нервирует вся эта ситуация. Потому и ему хотелось разобраться во всем как можно скорее.

– Ну, что там? – потребовала она ответа, не успев еще и вынуть руки из рукавов полуснятой футболки. Голову же

она повернула к нему, словно пытаюсь вместе с ним изучить свою спину.

– Встань ровно, не вертись. Мне нужно внимательно посмотреть.

– Пффф, как же ты долго...

– Слушай, я правда вижу «красное пятно». Но если ты хочешь, чтобы я еще и сказал тебе, *что* это, то прошу тебя, дай мне поработать.

На белоснежной спине Ангела была припухлость. Пока он не мог точно определить причину...

– Давно это у тебя?

– Болеть только сегодня начало, когда пошла в душ...

А так не знаю, я же не видела.

– Ну думаю, я бы заметил, если что... Я ведь твою обнаженную спину вижу чаще тебя, наверное...

– Хах, ты попытался сострить. Опять эти твои намеки!

– Нет, я серьезно. Думаю, я бы увидел. Так что появилось это совсем недавно.

– Ты главное скажи – это может быть рак?

– Что?? Да кто тебе такое в голову вбил, родная? Так ты поэтому такая, да? Глупости, Ангел мой, глупости, поверь мне, – он развернул ее к себе лицом и крепко сжал ее плечи, заставляя смотреть прямо ему в глаза. – Поверь мне, тут ничего такого нет. И вид не тот, и слишком быстро появилось... Тут что-то другое, и наверняка, совсем незначительное. Вообще похоже просто на воспаление... – Он снова развернул

ее спиной к себе. — Думаю, ночью кто-то укусил. Ты же знаешь, какие у нас теперь стали ядовитые комары.

— Да, но оно же не чешется. Оно болит.

— Тогда может, нарыв. Не бойся, через пару дней я тебе точно скажу, что это, а пока подождем и посмотрим, как оно себя проявит. Но я уверен, что ничего страшного тут нет. Через эти пару дней все, скорее всего, уже и само собой пройдет.

— Ну ладно... Раз ты так считаешь, то все нормально. — Она казалась успокоившейся, когда натягивала футболку обратно, но глаза все равно были какими-то грустными. — Будешь ужинать?

— Конечно.

Она снова не могла уснуть. Стоило лишь сомкнуть глаза, как перед ней представала темнота, черная пропасть хотела проглотить ее без остатка, а она все падала и падала прямо в пасть этому чудовищу, и ничто не могло остановить или хотя бы просто замедлить ее полет. Хотя какой там полет... Полет – это когда ты поднимаешься, паришь, имеешь крылья, можешь ими взмахнуть... Но у нее здесь не было крыльев, и она лишь падала и падала, а скорость все росла и росла... И раз за разом она открывала глаза, потому что не хотела видеть, что ждет ее на дне пропасти, не хотела чувствовать удара о жесткое, усыпанное острыми камнями дно, не хотела знать, откуда она падает и кто ее толкнул...

Она открывала глаза и видела Медведя, мирно посапывающего рядом с ней, так близко, что не то что руку протянуть – просто шевельнуть пальцами было бы достаточно, чтобы прикоснуться к нему и убедиться в его реальности. Но она этого не делала. Она просто лежала и смотрела на него, боясь разбудить, боясь спугнуть, боясь, что он исчезнет, если она попытается проверить, настоящий ли он. Поэтому она просто смотрела на него. Да и потом, было гораздо приятней смотреть на Любимого, чем в глотку Черноте, распахивающей челюсти ей навстречу каждую ночь.

К тому же после каждого такого сна спина болела

все сильнее, боль отдавала в правое плечо. За последние несколько дней ей стало сложно даже поднимать руку – настолько неприятные ощущения вызывало самое незначительное движение. Так что теперь она держала вилку или зубную щетку в левой руке, а от рисования и вовсе пришлось отказаться...

Но у нее не было другого занятия, поэтому она проводила дни, сидя у окна.

Она смотрела на небо.

Легкие белые занавески иногда колыхались от ветерка, прорывающегося сквозь стены жары, они словно дышали, а она сквозь них глядела в синеву... И тогда ей казалось, что она летит. Что вокруг нее – только небо и белые дышащие облака. Кресло под ней полностью растворялось, потому что она забывала про него. Его обратная материализация каждый раз поражала ее, когда Ангел пробуждалась от полудремы, чтобы приготовить обед, слегка убрать квартиру или же просто сходить в туалет. Ее стали раздражать такие бытовые мелочи. И не потому, что ей было отчаянно скучно. Точнее, не только поэтому... Просто ей было больно двигаться, и, к тому же, она не хотела отрываться от Неба. Глядя в него, она совсем не чувствовала боли, ее окружали только свобода и легкость.

Глядя в него, она забывала свои сны. Небо полностью вытесняло из нее Пропасть.

Но ночь каждый раз приходила снова, а с ней возвраща-

лось и Падение.

И каждый раз после него она чувствовала себя разбитой. Особенно с правой стороны.

Завтра ее ждет важный день... Возможно, завтра она все наконец выяснит – Медведь повезет ее в клинику на полноценное обследование. Теперь и он уверился в серьезности происходящего с ней. А потому ей нужно уснуть, чтобы набраться сил.

Она закрыла глаза.

И Падение вновь началось.

Медведь проснулся от чьих-то приглушенных всхлипываний. Сперва он не понял, откуда исходит звук. Единственным плачущим существом в их квартире могла оказаться Ангел (чтобы он плакал – да ни за что!), но ее не было в постели рядом с ним. Медведь потер рукой глаза и осмотрелся – да, подушка смята, простыня с ее стороны кровати сбита, будто бедняжка всю ночь с кем-то боролась, но Ангела на месте нет. Он приложил ладонь с отпечатку, оставленному ее телом в гнезде простыней – холодные... Ее уже давно нет на месте... И тут он увидел, как прямо перед ним, за спинкой в ногах кровати, мелькнула знакомая взъерошенная макушка. Медведь переполз ближе к тому краю и свесил голову вниз. Ангел сидела на ковре, обняв колени и прижавшись спиной к деревянному изножью.

– Родная моя, что случилось?

– Н-н-н-ичего, оставь меня в покооо-о-е...

Теперь, не боясь его разбудить, а отчасти, вероятно, и стыдясь того, что он стал свидетелем ее горя, Ангел плакала совсем как ребенок, некрасиво размазывая слезы и сопли по всему лицу, безудержно и потерянно, постанывая и задыхаясь, словно случилось что-то равнозначное концу света и ничего больше нельзя исправить, и никого больше нельзя спасти...

– Эй... – он осторожно протянул руку и тронул ее за левое плечо, – Ангел мой, ну успокойся... Я понимаю, поверь мне, прекрасно понимаю, каково тебе сейчас. Знаю, что тебе больно и страшно, но поверь – пожалуйста, поверь мне, сегодня мы точно выясним, что с тобой не так, я все сделаю, чтобы найти способ помочь тебе....

Все эти аргументы он приводил сотни раз за последние три дня, но вот только в них не то что Ангел – он и сам уже не верил. Опухоль на ее спине все росла и росла, буквально на глазах, и у него, при всем врачебном опыте, не осталось больше никаких предположений о ее происхождении...

Сегодня им предстояло УЗИ и, может быть, рентген. А может быть, и биопсия... Он боялся даже предполагать, что потребуется сделать, чтобы разобраться... Но точно знал, что сделает все, чтобы спасти ее. А договориться в больнице он всегда сможет. Конечно, он даже не глава отделения, да и еще не так много лет в этой клинике проработал... Но ради нее он все сделает. Будет умолять, подкупать, отрабатывать ночные смены – что угодно...

Однако сейчас он совершенно ничего не мог сделать, чтобы просто успокоить ее. И это бессилие мучило его, уничтожало, растирало в пыль, изводило сильнее, чем сам вид ее слез...

Казалось, прошла целая вечность, пока он собирался с духом для новой попытки:

– Родная, солнышко мое, ну пожалуйста, успокойся... Да-

вай, поднимайся, — он уже встал с кровати и теперь пытался оторвать ее от пола. — Давай же, нам пора собираться, иначе мы сегодня вообще никуда не попадем, а нам ведь это не нужно, верно? Нам наоборот нужно как можно скорее поехать в клинику...

Последнее слово вызвало новый поток слез и завываний, начавшая было вставать Ангел снова рухнула на пол и сжалась в комочек, пряча от него и всего мира мокрое лицо.

— Любимая, ну давай...

— Н-н-е-е-е-е-ет....

— Да что же такое! — впервые за эти дни он перешел на крик. — Я не представляю уже, что мне делать! В больницу ехать ты отказываешься, то есть, помочь тебе не разрешаешь, а как утешить тебя, я просто не имею больше ни малейшего понятия!

Она испугалась его. Он редко кричал, особенно на нее... Плач слегка утих, но плечи все еще содрогались, а ее лица все еще не было видно за завесой всклокоченных темных волос. Вот только он чувствовал, что всем своим существом она только что отвернулась от него. Медведю стало стыдно.

— Прости, ну прости меня... — Он опустил на ковер рядом с ней. Теперь оба сидели лицом к окну, но она смотрела в пол, а он — в потолок.

Долгое время они молчали. Это было даже приятно — молчать вместе. Тишина лучше любого разговора способствовала примирению. Чем наговорить лишнего и ранящего, луч-

ше просто сесть рядом и помолчать. И постепенно все встанет на свои места, сердца успокоятся, гнев уйдет, боль отпустит. И снова сидящий рядом человек будет для тебя самым родным и близким, самым дорогим и хрупким, которому ты ни за что на свете не причинишь боль.

Так случилось и теперь. В последний раз вытерев нос тыльной стороной ладони, она порывисто вздохнула и повернулась к Медведю. Даже такая, как в тот момент – с мокрыми щеками, липкими руками, распухшими красными глазами и носом, спутанными волосами – даже такая она была самой красивой на свете. И Медведь разорвал бы в клочья любого, кто посмел бы на это возразить хоть слово.

– Прости меня... Просто мне страшно... Ты себе просто представить не можешь, до чего же мне страшно...

– Родная...

– Подожди! Дай мне договорить... Посмотри на меня... Я же просто горбун... Я уродец, и я не знаю, что это, почему это со мной случилось... Оно ведь растет и растет, и однажды раздавит меня, или взорвется, или я не знаю даже, что еще... Я ведь умру-у-у-у-у...

Медведю ничего не оставалось, как прижать к себе вновь зашедшееся плачем растрепанное и измятое создание, он гладил ее по голове, покачивая из стороны в сторону, пытаясь успокоить, как маленького ребенка. Ведь никакие логические доводы взрослого человека не могли бы сейчас на нее подействовать. Она уткнулась носом в его правое плечо, так

что прямо перед его глазами лежала причина всех этих слез и страданий. Красное пятно на ее спине перестало быть просто пятном. За последние пару дней оно невероятно выросло и теперь сильно выпирало наружу. Потому она и назвала себя горбуном. А ему было все равно. Пусть даже это останется навсегда, он ни за что не оставит ее. Главное, чтобы она была здорова. А для этого необходимо было прежде всего отвезти ее на обследование.

Медведь подождал, пока она снова затихнет, приподнял ее подбородок так, чтобы она смотрела ему в глаза, и со спокойствием гипнотизера сказал:

– Пора, любимая. Давай собираться. А то так и клиника закроется.

Слишком изможденная слезами, чтобы возражать, Ангел кивнула.

Ангел сидела на больничной кушетке и смотрела в окно. В клинике они находились уже часа четыре, наверное... Она не считала, она не взяла с собой часы. Ей было все равно. Слишком много причин для расстройства у нее сегодня было, чтобы еще ко всему переживать об утекающем времени.

Утреннюю истерику она не хотела даже вспоминать, ей было слишком стыдно перед Медведем – и перед самой собой – за свою слабость. Ведь ей нужно быть сильной, смелой, ее не должны выводить из себя такие пустяки... А это совершенно определенно были пустяки, раз Медведь сказал, что все будет в порядке... Он обещал ей, что все будет хорошо, а он всегда выполнял свои обещания. У нее не было никаких причин ему не верить.

Но почему-то не верилось...

На выходе из дома она не смогла одеть куртку. Во-первых, было больно, а во-вторых, куртка просто не налезала на чудовищно деформированную спину. Но так просто идти она никак не могла... В итоге, лишь чудом не разрыдавшись снова, она обмоталась ярким летним шарфиком. Она не могла показаться на людях с таким уродством... Хотя и сквозь тонкую ткань все равно все было видно – эта гора ведь торчала наружу, а шарф не мог вдавить ее обратно в спину...

Закусив губу и едва переставляя ноги, она вслед за Мед-

ведем добралась до машины, которую он несколькими минутами раньше пригнал со стоянки. Внутри было невыносимо жарко, но уже прогретый солнцем, несмотря на утренний час, корпус автомобиля хоть как-то скрывал ее от любопытных глаз.

Ненормальная... Ну кто на тебя смотрит? Никто ведь не знает ни тебя саму, ни что там у тебя на спине.

Но все равно казалось, что каждый прохожий пристально на нее смотрит, буравит взглядом несчастный идиотский шарфик и знает все про ее страхи и кошмары...

Она помотала головой, пытаясь отогнать гнетущие мысли. Но они были липкие, и так просто от ее сознания не отклеивались. Тогда она открыла бардачок и стала изучать его содержимое. Кроме очков и давно растаявших прямо внутри упаковки леденцов от кашля там ничего не было. Но и другого занятия у нее тоже не было.

Так и прошла вся дорога до больницы. Маленькое ссутулившееся на переднем сидении создание, подтянувшее к себе ноги и упирающееся в колени подбородком, сосредоточенно изучало месиво леденцов от кашля...

Медведь молчал. Она была ему за это даже благодарна, и так слишком много лишнего и незначительного они сегодня уже друг другу наговорили. Если он снова начнет ее утешать, она разрыдается, а он должен считать, что она сильная.

Машина остановилась. Медведь вышел и открыл дверь с ее стороны. Ангел помедлила минуту, потом левой рукой

схватила пачку леденцов, захлопнула бардачок и выползла из машины. Поправила шарфик на плечах и выбросила упаковку в ближайшую урну. Так стало легче. Хотя что-то в жизни стало правильнее.

Сперва, как и планировалось, они отправились на УЗИ. Медведь как-то договорился, их уже ждали и пропустили без очереди. Что, конечно же, вовсе не понравилось сидящим, наверное, не первый час в коридоре людям. Медведь просто протолкнул ее в дверь кабинета, не позволяя задерживаться и хоть минуту выслушивать гневные тирады возмущенных пациентов. А ей было все равно. Никакие слова сейчас не вывели бы ее из себя.

Ангел не запомнила, как звали того врача, что делал ей УЗИ. Ей это было не важно. Она помнила только, как приятной прохладой гель разлился по пылающему горбу, как больно было, когда напомнивший ей пистолет датчик вдавился в кожу, как она изо всех сил сжалась в комок, чтобы не закричать – и как Медведь держал ее за руку.

Хотя ей многое сегодня было безразлично, чувства к нему казались сильнее, чем когда бы то ни было.

Все мучения оказались напрасными – ни Медведь, ни этот его безымянный коллега ничего не поняли. На экране мельтешили какие-то полосы, вертикальные, горизонтальные, диагональные, как помехи на экране телевизора. Белый шум. Ей виделись лишь смутные очертания чего-то неправильного. Словно в спине были рассыпаны зубочистки, или

палочки для счета, или еще что-нибудь подобное... Причем прямо под кожей, всего в сантиметре или меньше от поверхности... Она поняла еще меньше двух врачей, потому что почти не смотрела – ей лишь хотелось как можно скорее остановить эту пытку. Датчик вдавливался в плоть и будто упирался прямо в эти зубочистки, вызывая резкую боль. Боль, похожую на зубную. Словно зуб мудрости рвался наружу и упорно давил изнутри на воспаленную десну. Только масштаб значительно отличался. Если зубная боль поражала голову, максимум отдавая в шею, то нынешнее ощущение отзывалось в каждой клеточке ее тела, сковывало все неимоверной тяжестью и напряжением.

Медведь стер остатки геля, помог снова завернуться в шарф и вывел ее в коридор. Сам же вернулся в кабинет, оставив ее одну минуты на две. Одну на виду у озлобленных людей. Она отошла к противоположной стене, но ядовитые взгляды и замечания и там ее настигали. Что же Медведь там делает? Судя по тому, как прячет в карман кошелек, закрывая за собой дверь, заплатил этому своему знакомому с адской машиной сверх тарифа... Здорово, он сам оплачивает страдания Любимой. Хотя зачем она иронизирует, он же хотел как лучше... Медведь всегда старается делать все, чтобы ей было как можно лучше.

И вот он взял ее под руку и провел на третий этаж по какому-то боковым, вероятно, служебным, лестницам.

Забавно, на дверях написано, что по вторникам рент-

ген-кабинет не работает, а он просто дернул за ручку, и пропустил ее вперед.

Ангелу не понравилось, как здешний врач пожал руку Медведю и покосился на ее шарф. Он явно тоже ждал немалой оплаты за работу, которую, по идее, делать не должен. Она почувствовала себя униженной. Ангел не понимала, почему, но вся эта история с больницей заставляла ее чувствовать себя пустым местом. Припомнились некоторые слова людей из очереди двумя этажами ниже... Кто-то из них, вроде бы, говорил что-то о богатеньком Буратино, приведшем на обследование свою некстати залетевшую подружку... Если бы. Нет, не если бы Буратино и прочее, а если бы ребенок... Если бы они были здесь по радостному поводу... Тогда бы она чувствовала себя совсем по-другому...

Ей пришлось раздеться. Мало того, что снять шарф, выставив на потеху рентгенологу свое уродство, так еще и избавиться от топика.

Этот топик она специально носила в последние дни. Обычно она никогда даже не одевала вещи, так сильно оголяющие спину, но сейчас это было лучшим выбором. Чуть выше талии вся спина была открыта, а держалась кофточка лишь на завязках вокруг шеи. Поэтому сейчас пришлось лишь распустить узел и слегка потянуть топик вниз. Полностью его снимать она не будет – и слишком много усилий потребуется, и фотографировать будут лишь верхнюю часть корпуса.

Медведю пришлось ей помочь. Одной рукой узел развязать было невозможно, а двумя она никак не могла орудовать. Медведь же отвлекал своего коллегу, пока Ангел стыдливо пряталась за щитом, к которому нужно было прижиться для рентгена. Ее не оставляло навязчивое ощущение, что этот Халат ее разглядывает, изучает, оценивает... Ей стало совсем не по себе.

Вдохнуть. Не дышать... Вот и все, можно одеваться. Она как можно скорее повернулась спиной к Халату и начала натягивать топик, не переставая размышлять, чего больше стесняется: показывать ему свою обнаженную грудь – или свой горб.

Подошел Медведь, помог с завязками, нежно поцеловал в лоб.

– Ну ты как, все в порядке?

Это были первые слова, которые он сказал ей за все то время, что они здесь находились.

Она кивнула вместо ответа. Говорить при Халате почему-то не хотелось.

Но вот все трое вышли в коридор, Халат запер дверь кабинета и проводил их в другое помещение.

Здесь были окна, было светло и чисто. Здесь Ангела и оставили одну на добрых три часа.

Под предлогом «Проявить снимок и посоветоваться» Медведь и его Халат вышли из комнаты. Вероятно, они и правда этим и занимаются. Так долго договариваться о размерах

«компенсации за лишнюю работу» вряд ли возможно...

И вот Ангел сидела на больничной кушетке и смотрела в окно. Синее небо успокаивало ее. Сегодня ни одно облако не нарушало его чистоты и великолепия. Только птица летела куда-то. Птица... Она была очень далеко, и ее вид определить Ангел не могла. Просто смотрела и потихоньку завидовала.

Если бы у нее были такие крылья, она бы не падала в Пропасть по ночам.

Медведь в десятый раз отер пот со лба. Нет, жарко ему не было. Ему было не по себе. Мало того, что за всю свою врачебную практику он не сталкивался ни с чем подобным, так еще носителем этого необъяснимого, пугающего явления оказался самый дорогой ему на свете человек... Медведь не мог беспристрастно смотреть на снимки. Он не мог рассуждать здраво. Нет места рациональному там, где речь заходит о чувствах. А его чувства стремились к Ангелу, и все сводились к одному омерзительному ощущению – липкому и холодному страху.

На темно-синем фоне рентгена светло-голубым и белым обрисовывались хрупкие тонкие косточки Ангела. Один их вид наводил на мысль о ее ранимости и уязвимости.

Но в подобный ужас Медведя привело вовсе не это. Нет, конечно же, не это...

За верхними ребрами, на месте опухоли, вырисовывалось Нечто.

Медведь не знал, что именно это Нечто Ангел и приняла за гору зубочисток в кабинете УЗИ.

Для него все не выглядело настолько просто и безобидно. А глаза Халата горели странным огнем.

Буквально пожирая глазами изображение, прикрепленное к светящемуся экрану, тот едва ли не расплывался в улыбке.

Но Медведь этого не замечал.

Глаза Халата неотрывно приклеились к аномалии. Глаза Медведя бегали от черточки к черточке в тщетном поиске ответа.

Сначала он решил, что снимок оказался испорчен. Такое случается, да... Но тогда смазывается все изображение, или его часть, но никогда не проявляются странные дополнительные кости!

А то, что он видел, походило именно на кости. По своей форме, толщине, плотности... Да, наполовину скрытые ребрами, но вполне нормальные кости и суставы... Вот только быть их там не должно.

– Может быть, сиамский близнец?

Медведь и сам знал, что догадка нелепая, но должен был хоть как-то попытаться разбить ту тишину, что висела в кабинете последний час.

– Нет, это бы нам никак не объяснило столь быстрый рост образования. Причем заметно было бы уже при рождении, а не в возрасте двадцати... и сколько там лет? Хотя не важно... Да и на человеческий скелет это не похоже. И ты сам говорил, что аномальных сосудов и артерий на УЗИ не нашел, постороннее сердце не билось.

– Но ведь часто бывают самые неожиданные деформации у близнецов, делящих одно тело на двоих...

– Ну не настолько же. Что ты так прицепился к этой теории?

– Не знаю...

На самом же деле Медведь думал, что такого близнеца было бы гораздо проще отрезать от Ангела. Ее органы он не задевает, а значит, его отсутствие на ней уж никак не скажется негативно.

Если же Это имело отношение лично к ней, к ее организму, ее телу...

Хотя что за бред, оно и так имеет! Оно сидит в ее организме! Оно – часть ее тела!

Вот только он совершенно определенно знает, что раньше этой части у нее не было. И, следовательно, быть ее вовсе не должно.

Медведь схватился за голову. Нет, не пафосно, не театрально. Он просто поднял вверх руки и обхватил ими свою голову, сплестя пальцы на затылке, не отрывая дрожащего взгляда от снимка. Еще немного, и ему станет плохо.

Халат же свои руки чуть не потирал. Он переплел пальцы и пристроил подбородок в ложбинке посередине. Стальной взгляд его серых глаз отражал внутренний триумф. Хорошо, что Медведь не смотрел на него. Если бы он заметил, Халат бы обзавелся двумя внушительными синяками, оттеняющими цвет его замечательных, внимательных глаз.

Но даже эти внимательные глаза не смогли сразу объяснить Халату, что они видят. Кости, да... Это само собой разумеется. Но вот... Откуда и почему?

Он искал параллели, аналогии, но делал это молча, не посвящая Медведя в свои размышления, не делаясь с ним своими теориями. Отчасти, чтобы не показаться смешным – как сам Медведь с его близнецами. Отчасти... А вот от второй части он чувствовал, что вот-вот сделает величайшее открытие – и не собирался делиться славой с Медведем. Да, конечно, материал предоставил он... Но вот разгадать загадку ему явно не под силу. Дааа, когда дело касается чувств, все люди глупеют. Халат это прекрасно знал. Он предпочитал быть рассудительным и объективным.

Медведь продолжал бегать глазами по снимку. Что-то начало вырисовываться... Что-то это ему напоминало... Что-то очень настойчиво это ему напоминало... Вот только что, он пока не мог понять.

Время шло, а ответ не приходил. Только что-то продолжало упрямо мельтешить у него в мыслях, нашептывая, притягивая ближе к снимку и показывая крохотным пальчиком. «Посмотри, ну посмотри же», – говорило оно. Медведь смотрел, но не видел.

Что же, что у него перед глазами?.. Главное, где он видел это раньше?

Тонкие переплетения хрупких косточек, такой знакомый, до боли знакомый и простой узор... Перекрещения и скрепления, маленькие суставы, суставы побольше, изгибы и наложения... И общее впечатление треугольников. Несколько

углов, свернутых в одну ленту, сложенных один поверх другого. Не раз, далеко не раз видел он подобное, но сейчас мозг просто отказывался узнавать то, что лежало перед ним.

О да, Халат понимал, во всяком случае, начал понимать, чему он стал свидетелем. Если он не ошибается – а он крайне редко ошибается – то это будет одно из величайших открытий последнего времени, это его прославит... Главное, успеть записать это все на свое имя, успеть перехватить материал исследования, не дать никому другому наложить на него руку. На него – не на нее. Это для него не девушка, не женщина, да что там – не человек. Это – образец. Это – дорога к признанию.

Углы и изгибы... Разум Медведя начал постепенно работать, двигаться, шевелиться – и лента костей со снимка начала разворачиваться, развиваться, разгибаться перед его внутренним взором.

Теперь, в полураскрытом виде, она даже сильнее напоминала ему что-то, чего он пока не узнавал.

Лента продолжала двигаться, бежать, распускаться – а с ней двигалась и его мысль. Мысль росла, оформлялась, набухала, набирала цвет и форму. Вот она в зачаточном состоянии, вот как эмбрион, свернутая калачиком, прямо как кости перед ним, а вот она распрямляется и становится на свои ноги, превращаясь в нечто взрослое, сознательное,

способное ему что-то сказать... О чем-то, что точно так же разворачивается, распрямляется, становится ровным и сильным...

О чем-то, чего у человека при всем том быть не должно...

Медведь судорожно втянул в себя воздух.

Нет, этого быть не могло. Этого быть не должно. Это просто невозможно, невысказано.

Медведь в одиннадцатый раз отер пот со лба. Нет, жарко ему не было.

Ему было страшно.

Ангел смотрела на небо.

Ей было очень больно.

Что бы там в ней не сидело, а вот на месте ему как раз не сиделось. Оно ожило. Задвигалось. Зашевелилось. Заструилось. Оно хотело дышать. Оно хотело наружу. Она чувствовала это и леденела от ужаса.

Ей хватало, по горло хватало уже просто того, что Оно находится в ней, что Оно делит с ней кровь и кислород, что отравляет ее жизнь... Но что же теперь? Оно решило начать сознательное существование? Решило стать мозгом их общего тела, контролировать ее малейшее действие и движение, а то и вовсе лишить способности мыслить?

А может, все не так и страшно? Может, оно хочет уйти? Вылезет себе тихонечко наружу и оставит ее в покое?

Нет. Этого не может быть. Из спины тихонечко не вылезают. Незаметно и безболезненно это явно не пройдет. Такого быть не может.

Но и того, что случилось с ней, тоже быть не может...

Открылась дверь. Медведь и Халат. Они несут снимок в папке, хотят что-то рассказать.

Но Ангел не может слушать. Ангел не хочет слушать. Ангелу больно.

Нечто в ней шевелилось. Она чувствовала, как Оно выны-

ривает из глубин ее плоти, рассекая ее, как воду. Ему было легко. Она же едва не задохнулась. Она покачнулась и чуть не упала с кушетки.

Медведь подхватил ее. Он бледен.

Ангел понимает, что ему тоже непросто...

– Как ты, родная? Не волнуйся, держись, все не так страшно, как кажется...

Он решил, что ей нехорошо от страха. Глупый маленький Медведь... Ангел ничего не боялась. Больше ничего. Ангелу было все равно. Ангелу было больно.

Оно шевелилось.

– Здесь есть экран? Нужно показать ей снимок.

– Зачем? Она, по-твоему, мало нервничает?

– Она должна сама это увидеть, я не смогу иначе объяснить...

Разговор доносился до нее расплывчатым, искаженным, булькающим. Медведь и Халат тоже были под водой. Но они не всплывали, они барахтались вокруг. На поверхность поднималось только Оно. Ангел чувствовала, что Оно уже завидело свет, что Оно тянется к нему, стремится, рвется, ускоряется, подступает все ближе к границе, последней черте, краю – ее коже, его ничто не сможет удержать.

– Вот, я прикреплю к окну, на свет будет видно неплохо.

– Родная, смотри. Эй, эй, посмотри на меня.

Медленно, словно пьяными глазами, взгляд которых едва возможно сфокусировать, Ангел обратилась к Медведю.

Он очень хотел ей что-то показать, что-то рассказать, что-то крайне важное, важное для них обоих. Она хотела его услышать, она так хотела его услышать... Но не могла.

Ангелу было больно. Оно шевелилось в ней.

– Милая, смотри. Вот это – твой рентгеновский снимок. Картинка ничем не испорчена, здесь мы согласились. Чего не смогли выяснить ни я, ни мой коллега – так это причины возникновения и характера образования...

Наверное, она с очень тупым, непонимающим выражением лица смотрела на него. Медведь еще немного побледнел. Ему явно было нелегко. Нелегко говорить ей все это, нелегко видеть ее такой... Маленький, глупенький Медведь... Такой смешной, такой заботливый...

– В общем, если говорить проще... То то единственное, в чем мы сошлись, это факт, что у тебя в спине развились лишние кости. Я просто не представляю себе, как они могли оставаться незамеченными в течение всей твоей жизни, но ведь и сами по себе возникнуть и вырасти настолько меньше, чем за неделю они никак не могли, так что это нам еще остается установить...

Он продолжал говорить, но Ангел давно потеряла нить. Она не была уверена, что успела ухватиться за эту ниточку с самого начала. А жаль... Если бы она за что-нибудь держалась, она бы не тонула сейчас там, откуда выплывало Оно.

А Оно выросло... Она не видела, она просто чувствовала, что даже с того момента, как они вышли из дома, Оно уве-

личилось. Оно набухало... Может, оно знало о предстоящем осмотре и боялось? Хотело защитить себя? Страшилось, что его уничтожат?

Ангел не знала. Но Оно увеличилось.

Медведь не замечал. Горб был горбом, каких бы то ни было размеров, а он сейчас слишком внимательно вглядывался в ее лицо, чтобы попутно измерять Это.

— ...в общем, я не знаю, как это объяснить, но я прихожу к одному единственному заключению. Да, это смешно, наверное... Но я просто ничего другого и вообразить не могу...

Оно совсем близко. Оно касается кожи. Слезы навернулись на глаза Ангела. Она больше не могла сдерживать их, она слишком долго старалась выглядеть сильной, так долго — что этих самых сил просто не осталось.

Оно касается кожи...

— Короче так. Сложно это выговорить, но мне кажется, что у тебя там...

Ангел закричала.

Оно начало биться. Оно хотело вырваться, хотело наружу, хотело дышать.

Гора на ее спине заходила ходуном, как вулкан, пляшущий перед извержением.

Кожа натягивалась и опадала по мере того, как Оно шевелилось и словно переползало из угла в угол, ища лазейку, ища проход, которого не было.

Ангел кричала, не переставая. Оно устремилось к краю

плеча, резко развернулось, рвануло вниз, к пояснице, в центр, к позвоночнику, снова вверх, снова к плечу... Оно металось, а Ангел кричала.

Она сползла с кушетки, потому что не могла сидеть. Ангел опустилась на пол, царапая пальцами грязный линолеум, пытаясь зацепиться за что-то, чтобы эта боль не унесла ее прочь, чтобы не пропасть, не потеряться...

Оно продолжало свою адскую пляску. Ангел судорожно вцепилась в ножки кушетки. Железная перекладина, крепкая, прохладная... Но она ничем не поможет, никто, ничто не поможет....

Ангел кричала, пальцы еще сильнее сжимали сталь, костяшки побелели, ногти впились в ладони по другую сторону металлической трубки, колени вдавливало в пол с невероятной силой, с силой, равной которой она еще не видела, с силой, с какой Оно рвалось прочь из нее. Ее словно крошило, истирало в пыль, раздирало пополам, и она ничего не могла с этим поделать.

Ангел кричала. А оно вырвалось.

Оно не ограничилось одной точкой, одним проходом.

Оно рвало всю спину.

Ангел кричала, а кожа лопалась и повисала клочьями вдоль огромной раны во всю длину позвоночника от шеи и до поясницы.

Ангел кричала, а кровь разбрызгивалась по кабинету и капала на пол.

Ангел кричала, а из зияющей раны на свет пробиралось Оно. Голое, окровавленное, беззащитное и жестокое.

Ангел кричала. А Оно расправлялось, продолжая то, что начало еще у нее внутри. Оно набирало мощь, раздувалось, вытягивалось в длину... Вот оно уже коснулось пола, вот нависло над ее головой с другого края...

Кровь капала на пол. Пальцы немели от напряжения. Спина горела огнем.

Ангел переставала кричать.

Ангел рыдала. А из ее спины воздымалось Крыло.

Медведь едва не задохнулся от ужаса при первом же звуке ее крика.

Когда он вошел в кабинет, он ужасно нервничал. В его голове все никак не укладывалось то, что он увидел на снимке.

Конечно, порой мутации – так он предпочитал это называть – происходили, на свет появлялись уродцы, калеки. Это случалось как по прихоти природы, так и по вине человека.

Но подобные генетические дефекты никогда не проявлялись настолько спонтанно, они могли быть выявлены уже в утробе матери, уже на первых днях жизни эмбриона можно судить о его нормальном, здоровом – или аномальном будущем строении.

Но Ангел ведь была абсолютно обычной. Конечно, для него она всегда была и будет особенной, самой загадочной и странной... Но это душа и характер. А сейчас речь шла о ее теле. Оно всегда было нормальным. Ему ли этого не знать... Сколько дней и ночей он провел, изучая ее тело. Исследуя каждую ложбинку и вдадинку, каждую выпуклость и наклонность, каждый изгиб и полуоборот... И кому, как не ему, знать, что в ней не было дефектов. Она была совершенна... Она была нормальна.

Поэтому он просто никак не мог объяснить то, что сей-

час происходило с ней. Если бы он хоть когда-либо находил хоть какие-то зачатки чего-то подобного, малейшие признаки, едва уловимые симптомы... Но ничего не было. Не было совершенно никаких знаков, никаких сигналов, кроме появившегося неделю назад покраснения.

Не может подобное развиваться в полный рост за неделю. Всего неделя, а то и меньше... Он сейчас, наверное, не мог вспомнить точную дату. Но прошло дня... четыре. Да. Всего четыре дня...

Он шел к ней по коридору, чтобы рассказать о том, чего сам не понимал. Чтобы унять ее страх перед тем, чего сам безумно боялся. Чтобы успокоить ее, хотя сам никогда в жизни не чувствовал себя настолько разрозненно, настолько опустошенно.

Он вошел в кабинет, на два шага опережая Халата. Он спешил увидеть ее, убедиться, что она здесь, что она в порядке... хоть и относительно. И он чувствовал, что должен сам ей обо всем рассказать. Он никак не мог позволить постороннему человеку запугивать ее, бесчувственно констатируя факты. Медведь бы смог все смягчить, сгладить, не дать ей почувствовать весь ужас той ситуации, в которой они оказались. Они, оба... Все, что касалось ее, касалось и его. Она – часть его жизни, часть его самого. То, что случилось с ней, случилось и с ним.

Он вошел – и увидел ее. Она сидела на кушетке и смотрела в окно. Такая хрупкая и беспомощная... Она даже не обер-

нулась, когда они вошли. Медведь уже привык видеть ее такой, в последние два дня она только и делала, что молчала и смотрела на небо. Он не мог ее понять. Очень хотел, но не мог, ведь она не рассказывала, о чем думает... А ему было очень больно наблюдать за тем, как она замыкается в себе. Она словно угасала, словно уходила от него...

Сейчас она показалась ему особенно бледной и измученной. Она вроде как похудела за эти дни... И опухоль выглядела гораздо больше обычного... Может, просто потому, что Ангел ссутулилась. Вся ее тонкая фигурка словно являлась скульптурным воплощением скорби. Ангел пошатнулась... Медведь еле успел подхватить ее. Ком подступил к его горлу. Ком пришлось быстро сглотнуть. Он должен быть сильным – для нее. По крайней мере, казаться сильным. Она должна чувствовать себя защищенной рядом с ним.

– Как ты, родная? Не волнуйся, держись, все не так страшно, как кажется...

Этот спокойный тон дорого ему давался. Медведь чувствовал, что, глядя на нее, теряет почву под ногами. Ее лицо словно на глазах приобретало ужасающий землистый оттенок, лоб покрывали крохотные капельки пота.

Медведь оглядел кабинет – экрана для просмотра снимков видно не было. Но ведь он должен ей показать то, что видел сам. Только так он сможет хотя бы попытаться ей объяснить, что случилось... Точнее, что случилось, он не знал. Знал только, к чему это привело на данный момент.

– Здесь есть экран? Нужно показать ей снимок.

Халат стоял у двери, прислонившись спиной к стене, скрестив руки на груди и бесстрастно наблюдая за ними обоими.

– Зачем? Она, по-твоему, мало нервничает?

Медведь предпочел не слышать сарказма в его словах.

– Она должна сама это увидеть, я не смогу иначе объяснить... Ничего не смогу. Я просто должен ей это показать.

– Ладно, ладно, дело твое! – Халат примирительно поднял вверх обе руки. Глаза его оставались все такими же бесстрастными, но при этом словно оценивающими каждый жест Медведя и протоколирующими каждую секунду происходящего.

Взгляд Медведя поспешил соскользнуть прочь с лица Халата. Сейчас у него было гораздо более важное дело, нежели разбираться в странном призрачном блеске, который он увидел в зрачках коллеги.

Медведь поспешил отвернуться к окну. Лучи послеполуденного солнца заливали комнату через него, достигая самых дальних углов.

– Вот, я прикреплю к окну, на свет будет видно неплохо, – Медведь вынул снимок из папки и стал вгонять верхний его край под деревянную раму, прижимая изображение к стеклу. Он был доволен результатом, он даже чувствовал своеобразное удовлетворение от того, что ему хоть что-то сегодня удалось.

Наконец, плотно пристроив снимок, Медведь отвернулся

от окна и взглянул на Ангела.

– Родная, смотри, – но она не смотрела. Ее взгляд был абсолютно бессмысленным, не выражающим ничего, никакого понимания, никакой работы разума. Только нескончаемую тоску.

– Эй, эй, посмотри на меня, – Медведь нежно обхватил лицо Ангела ладонями, зарывшись пальцами в ее волосы. А ее волосы слегка взмокли. То ли от жары, то ли от чего-то еще. Холодные и немного липкие... Большим пальцем руки Медведь нежно погладил ее по щеке, но она, казалось, даже не заметила.

Он отпустил ее. Ему понадобились все силы, чтобы продолжить свой рассказ.

– Милая, смотри. Вот это – твой рентгеновский снимок. Картинка ничем не испорчена, здесь мы согласились. Чего не смогли выяснить ни я, ни мой коллега – так это причины возникновения и характера образования.

Он зря снова посмотрел на нее. Ее лицо совершенно не менялось, по-прежнему искаженное болью и отчаянием. Капля пота скатилась по ее виску... Медведь едва смог вспомнить, на чем остановился. Все, что он мог сейчас для нее сделать – рассказать то, что знает сам.

– В общем, если говорить проще... То то единственное, в чем мы сошлись, это факт, что у тебя в спине развились лишние кости. Я просто не представляю себе, как они могли оставаться незамеченными в течение всей твоей жизни,

но ведь и сами по себе возникнуть и вырасти настолько меньше, чем за неделю они никак не могли, так что это нам еще остается установить...

Медведь прекрасно понимал, что говорил ерунду, что речь его бессвязна и нелепа, но ведь нелепой была и вся ситуация... То, что с ними случилось, не должно было случаться, не могло случиться... Но случилось. И он должен был наконец выдать из себя признание. Должен сказать ей. Она должна знать.

— ...в общем, я не знаю, как это объяснить, но я прихожу к одному единственному заключению. Да, это смешно, наверное... Но я просто ничего другого и вообразить не могу...

Нет, он не станет выкладывать все неправдоподобные и смешные теории, что приходили ему в голову последние три часа. Он скажет последнее, о чем подумал. Самое невероятное и вместе с тем так похожее на правду.

— Я долго думал, правда, долго... По структуре костей, что мы обнаружили, то есть, по их взаимному расположению, по размерам относительно пропорций твоего тела, я могу предположить одно. Да, это прозвучит нелепо. Да, ты можешь мне не верить. Но это единственное объяснение, которое я нахожу.

Медведь отчаянно старался не смотреть на Ангела. Поэтому он и не замечал, как она напрягается все сильнее и сильнее, как бугрится кожа на ее спине, как наливаются кровью и болью ее глаза, как судорожно тонкие пальцы сжимают

края кушетки...

Медведь отвернулся к окну.

– Короче так. Сложно это выговорить, но мне кажется, что у тебя там...

В следующий миг его мир рухнул.

Ангел закричала.

В мгновение ока Медведь обернулся к ней – и успел увидеть, как она буквально падает на колени, скребя ногтями пол, ища опору, ища поддержку, как вцепляется в ножки кушетки...

Все это он видел словно в замедленной съемке: жест за жестом, малейшее изменение выражения ее лица – ничто не ускользало от него теперь. И Медведь не понимал, как мог раньше не замечать всего этого. Как он мог быть настолько слеп, чтобы не видеть, насколько в действительности ей плохо? Как мог не понимать, в какой опасности она находится? И как могла она держать в себе такую боль?..

Теперь он видел все... Но теперь было слишком поздно. Он прирос к месту. Он был пригвожден к залитому солнцем полу кабинета ее криком. А крик не прекращался, резал его уши, разрывал в клочья его душу, разбивал его сердце... Он хотел броситься к ней, обнять, поднять на ноги, успокоить, но... Но теперь не только ее крик удерживал его.

Он увидел, он осознал движения чего-то под ее кожей. На долю секунды он подумал, что ему показалось... Но нет, это повторялось вновь и вновь, причем рывки и толчки этого

чего-то становились все сильней и яростнее, а Ангел кричала все громче... Она почти касалась лбом пола, она задыхалась от боли и ужаса, а Медведь мог только смотреть.

Наконец, спустя вечность, Оно перестало бугриться и кипеть, оно успокоилось... Но только для того, чтобы, напрягшись в последний раз, прорвать тонкую кожу... Кровь Ангела хлынула на пол.

Глаза Медведя залил красный цвет, теперь он видел только его... И посреди алого моря он услышал затихание крика... И перед ним было Крыло, вздымающееся, трепещущее, словно парус...

Оно подрагивало, расправлялось и складывалось вновь. Кровь лилась из разодранной спины Ангела. С Крыла скатывались тонкие ручейки, размеренно капающие на пол, впадая в океан. Медведю представилось, что у его под ногами, на линолеуме, в кровавом круге собиралась сама жизнь Ангела.

Именно теперь он очнулся. Именно теперь он смог броситься к ней. Поскользнувшись в крови, Медведь едва не упал, испугавшись, что сейчас рухнет прямо на нее и добьет, раздавит, окончательно искалечит... Но нет, он смог вновь обрести равновесие, быстро опустился на корточки рядом с ней, стараясь заглянуть ей в лицо.

Она все еще держалась за металлические ножки кушетки. Ее глаза были распахнуты, дыхание частым. Она была бела, как мел. Особенно, на фоне всей этой крови.

Медведь хотел было отцепить ее руку от кушетки, взять ее пальцы в свои, успокоить, нежно сжать... Но она держалась слишком крепко... Да и не о том нужно было сейчас думать.

Снова поскользнувшись, Медведь обогнул ее, зайдя сзади.

– Вот ведь черт... – Он все-таки был прав. Это действительно крыло... Не крохотное, зачаточное крылышко цыпленка, какое он ожидал увидеть, но огромное Крыло, вполне соответствующее размерам человеческого тела... Он не мог в это поверить. Но он должен был. С этим нужно было как-то справиться...

Не думать об этом. Сейчас есть проблема важнее.

– Кровь. Нужно остановить кровь!

– Ну так останавливай, мне сейчас как бы некогда!

Последние четыре минуты Халат был занят тем, что удерживал дверь закрытой. Когда раздался первый крик Ангела, люди в коридорах больницы насторожились. Пациенты поспешили как можно скорей отойти от подозрительных дверей, перебежать на другую сторону коридора или и вовсе покинуть здание. Персонал клиники среагировал не сразу, но вскоре стал усиленно ломиться внутрь, допытываясь, что же происходит в комнате, почему девушка так кричит. Настойчивый, постоянный стук в дверь и возгласы по ту сторону не прекращались ни на минуту, хотя Халат и старался, как мог, перекричать эту многоголосицу и уверить их, что все в порядке. Один раз он даже рискнул просунуть голову

сквозь щелку в коридор, чтобы глядя в глаза всем этим людям честно соврать, что все под контролем. В итоге он едва смог удержать дверь и не лишиться ушей. И вот теперь он изо всех сил тянул на себя дверную ручку и проклинал того, кто не додумался сделать на всех дверях автоматические замки или хотя бы задвижки. Конечно, от замков у кого-нибудь наверняка был бы универсальный ключ, но зато у них было бы хоть немного времени...

Медведь стал судорожно осматривать кабинет. Он вскочил на ноги и начал распахивать один за другим все шкафы и тумбочки.

– Да что же это за больница такая, черт побери, где нет ни одной аптечки!

Взмокший Халат не ответил, но Медведь и не ждал ответа. Наконец удача ему улыбнулась. Не аптечка, конечно, но пара пачек бинтов нашлась... Только хватит ли этого?

Обработать рану нечем... Да и как обработать такую рану? Медведь не знал, с какого края к ней подступиться... Но остановить кровь было необходимо. Он позже разберется с деталями, сейчас важнее всего – не дать океану вытечь из Ангела.

По всему полу кабинета теперь были разбросаны красные отпечатки ног – следы Медведя, обшаривающего шкафы. Это тоже деталь. Это сейчас тоже не важно.

– Так, Родная, давай...

Медведь попытался обхватить ее сзади за талию и при-

поднять, стараясь как только можно дальше от нее при этом отодвинуться. Так он не задевал рану, по крайней мере, так ему казалось... Потому что она снова застонала. Медведь внутренне поблагодарил Бога за то, что это был лишь стон, а не крик... Хотя боли в нем было не меньше.

Изо всех сил стараясь не задевать Крыло, Медведь все же смог поднять Ангела, хоть и далось это очень нелегко. Долгое время она упорно отказывалась разжимать пальцы и отпускать кушетку, отчего помучиться пришлось обоим, но вот наконец Медведь усадил ее на койку. Лечь, как он того хотел, она не смогла и осталась сидеть. В итоге Ангел не изменила позы. Она по-прежнему сидела на коленях, спиной к Медведю, а Крыло свисало вниз, немного не доставая до пола. Колени Ангела были измазаны кровью, потому теперь и вся простыня, расстеленная на кушетке, покрылась багровыми пятнами и разводами. Но это тоже детали.

Медведь поспешил приступить к перевязке. Нет времени ее раздевать, он обмотает бинт прямо поверх топики. Сейчас важно остановить кровь, а уже при повторной перевязке и обработке он сделает все, как надо... Сейчас же важно только остановить кровь... и вывести ее отсюда.

Медведь внезапно понял, что ни в коем случае Ангелу нельзя оставаться здесь, в больнице. Он должен ее спрятать. Он должен ее спасти... От кого? Он сам не понимал. Но эта мысль упорно не хотела покидать его поле зрения.

Но вот как, черт возьми, как перебинтовать спину с этим

Крылом? Оно ведь торчит прямо из раны... Медведю пришлось повозиться. Первые слои бинта сразу же пропитывались кровью и краснели. В какой-то момент Медведю стало казаться, что его затея бесполезна, что ничего не выйдет, что бинта не хватит... Много подобных мыслей приходило к нему одна за другой. Но вот интенсивность цвета упала, пятна начали расплываться все медленнее, все больше белого окружало Крыло.

– Отлично. Теперь все готово. Осталось только...

Осталось только придумать, как вывести Ангела из здания. Когда крики стихли, осада двери тоже пошла на убыль. Но несколько особенно настойчивых спасателей людских жизней продолжали допытываться, в чем дело. Халат уже устал объяснять, что все нормально, что ситуация взята под контроль, и что вовсе незачем им грозиться послать за главврачом.

А ведь другого пути наружу нет. Только дверь...

– Отвлеки их. Сделай так, чтобы они ушли, нам нужно вывести ее.

– А то я не знаю! И вообще, что я, по-твоему, тут делаю?

– Прости. Но нам действительно нужно, чтобы они ушли. Ее никто не должен видеть.

– Я бы на твоём месте переживал, как бы кто не увидел эту штуку у нее за спиной или лужу крови на полу. Это, пожалуй, поважнее.

– Черт...

Только сейчас Медведь представил себе, как это будет выглядеть. Кто-нибудь открывает дверь, а здесь...

– Нужно это убрать.

– Ну давай, вперед. Лично я – врач, а не уборщица.

– Слушай, перестань! Нам и правда нужно что-то сделать.

– Черт возьми, ну какой же ты мямля! Иди сюда! – Халат заставил Медведя держать дверь, а сам приблизился к кушетке.

– Так, милая, давай, поднимайся, – взяв Ангела за локоть, он помог ей встать. Девушка не сопротивлялась. У нее не осталось сил. Медведю наконец пришло в голову, что она в шоке... А это весьма опасное состояние, ей нужно обезболивающее, ей нужно успокоиться... Но сначала нужно вытащить ее отсюда...

– Эй, Ромео! Ну сколько же можно, это твоя девушка, или как? Я уже две минуты тебя зову, а ты только соизволил сфокусировать на мне взгляд твоих прекрасных остекленевших глаз!

– Хватит язвить, а? – Медведь автоматически протянул руку и взял скомканную простыню, которую протянул ему Халат. – Зачем это?

– Как зачем? За этим, – и Халат картинным жестом обвел рукой помещение, особенно задержавшись на окровавленном полу. – Мы же не можем это так оставить, правда? Все, за работу, а я посторожу дверь.

Халат сжал плечо Медведя и довольно резко толкнул

к центру комнаты, заняв его место на наблюдательном посту.

— Ну давай, давай, не мне же все за тебя делать? И поспеши. Не думаю, что у нас много времени, — Халат снова приоткрыл дверь и осторожно выглянул наружу. Когда он обернулся, Медведь по-прежнему стоял на месте с простыней в руках.

— Да что с тобой такое? Ты собираешься сегодня отсюда выбираться, или нет? Ну не смотри на меня так — вытирай! — Халат закатил глаза и отвернулся. Господи, какой же он тупой! Нет, Халат, конечно, всегда подозревал, что особым умом его коллега не блещет, но никогда еще это не проявлялось настолько наглядно.

Медведю совсем не понравилось то, с какой интонацией Халат с ним разговаривал. Но ведь он был прав — нужно действовать! Медведь взглянул на Ангела. Она стояла в углу у двери, обняв себя за плечи и ссутулившись. Какой же хрупкой она выглядела, вся замотанная бинтом, бледная и напуганная... Медведь отвел глаза, опустил на корточки и стал вытирать ее кровь с пола. Черт, нужно было заняться этим раньше... Кровь засыхала, причем очень быстро... Чтобы как следует ее оттереть, не помешала бы швабра, мокрая швабра... Минут пять Медведь ползал по кабинету, пытаясь избавиться от следов трагедии, произошедшей у него на глазах. Нет, не трагедии... Ведь Ангел здесь, она жива, с ней все в порядке... Ну, почти все. Медведь не хотел сейчас думать об этом. Поэтому он с удвоенной яростью принялся скрести

пол. Но застывшая кровь просто так не оттиралась. По прошествии десяти минут на полу все еще оставались темно-коричневые разводы, теперь смешавшиеся с пылью и мелким сором, которых всегда полно в общественных местах. Смазанные следы Медведя также никуда не делись. Кровавые брызги на ножках кушетки походили на налет ржавчины.

– Все, больше с этим я ничего не могу сделать. Придется выходить быстро, очень быстро... Нужно будет убраться из больницы до того, как кто-нибудь зайдет в кабинет и поднимет тревогу по вот этому вот поводу, – Медведь подошел к двери, махнув перепачканной простыней в глубь комнаты.

Халат молча проследил взглядом за его жестом и кивнул. Он ужасно вымотался за этот день. Просто сумасшедший день... Но так много сулящий ему... А потому работу нужно закончить. И вот он уже стягивает свой белый медицинский халат и протягивает Медведю:

– Держи, накинь ей на плечи. Уж не знаю, как, но нужно прижать эту штуку ей к спине, чтобы она не слишком выдавалась под халатом.

– Думаешь, такое возможно?

– А у тебя есть другие идеи? Если есть, то поделись – я весь внимание.

– Ладно, сейчас попробую...

Медведь с опаской приблизился к Ангелу. Слегка дрожащей рукой он прикоснулся к Крылу. Ангел дернулась, но не закричала. Похоже, она чувствовала Крыло, но боли

оно ей не причиняло. Хотя что-то... Но следовало помнить об истерзанной спине – вот что точно делало ей больно.

Впервые за прошедшие минуты Медведь смог внимательно осмотреть Крыло. А ведь и верно... Это именно оно и есть... По строению очень похоже на обычное птичье крыло, но гораздо больше, пропорционально росту Ангела. Если бы их было два, они, пожалуй, вполне могли бы поднять ее в воздух... Медведь отогнал от себя эту картину и вернулся к своей задаче.

Крыло было сложено, но сильно выдавалось вверх. Сейчас, когда Ангел стояла на ногах, было видно, что нижним своим краем оно едва достает ей до колен. Отлично, по крайней мере, из-под халата оно торчать не будет. Но как же заставить его не топорщиться сверху?

Медведь вынул из кармана последнюю оставшуюся упаковку бинта.

– Солнышко, я попробую привязать это к твоей спине... Если будет больно, скажи, и я сразу перестану.

Медведь вглядывался в ее лицо, но ни одного признака понимания в нем не обнаружил. Ангел даже не кивнула. Он все больше волновался за нее. Тем быстрее он должен был закончить то, что начал...

Уже более решительным движением Медведь прикоснулся к Крылу, осторожно сжал его край и постарался пригнуть к спине Ангела. Ангел даже не поморщилась. А Крыло словно затрепетало под пальцами Медведя. Только сейчас он по-

нял, что Оно было живым – настоящим и живым. Оно было теплым, покрытым тонкой, очень тонкой, просвечивающей розовой кожей, в потеках и разводах запекшейся крови... Очень мягко Медведь подводил Крыло все ближе и ближе к спине Ангела, вот оно уже почти касается плеча, сдвинуть его чуть ниже... надавить на верхний изгиб, чтобы не так сильно выпирал под халатом... Крыло поддавалось на удивление легко. Оно было таким гибким... Медведь ожидал стальной твердости, но никак не тихой покорности.

Однако, Крыло Ангела было под стать ей самой – поддавалось лишь до определенных пределов, прогибалось лишь до тех пор, пока не начинало ощущать излишнее давление. Вот оно начало сопротивляться... Медведь, хорошо знакомый с характером Ангела, предположил, что и у ее Крыла должен быть похожий характер, если уж Оно – доброкачественная ее часть. Он сразу перестал давить. Это был предел, и ни в коем случае нельзя было переходить через эту черту, иначе это могло грозить всем окружающим бурей, настоящим взрывом.

Но чертовски сложно удерживать Крыло на месте и при этом обматывать бинтами девушку. Придется просить помощи Халата.

– Слушай, ты не мог бы?..

– Ну что еще?

– Я один не справлюсь.

– Лааадно, подвинься.

Халат ухватился за край кушетки и подтащил ее к двери. Сомнительная баррикада, но хоть что-то. В дверь уже, конечно, не ломились, но рисковать не стоило.

– Ну давай, поддержку.

– Нет, я сам. Возьми бинт.

Почему-то Медведю совсем не хотелось, чтобы Халат касался Крыла Ангела. Он не мог этого объяснить, но и поделаться с этим ничего не мог.

Халат начал обматывать девушку бинтом. Сперва он подал один конец марлевой ленты Медведю, чтобы тот прижал его к Крылу, а потом начал обходить Ангела по кругу. Когда уже было сделано четыре полных оборота, Халат начал постепенно стягивать повязку, все туже прижимая Крыло к Ангелу.

– Прости, детка, без обид – ничего личного.

Медведь так и не понял, что его коллега имел в виду – извинялся ли он за боль, которую Ангел, скорее всего, ощущала от давления на истерзанную спину, или за то, что ненадолго коснулся ее груди. В любом случае, Ангел больше не кричала. Всего один раз она вздрогнула, но потом снова перестала шевелиться. Возможно, шок лишил ее способности чувствовать боль, пусть даже и на короткий срок. Во всем нужно искать плюсы.

Наконец все закончилось. Крыло было относительно плотно прижато к спине Ангела, и теперь можно было попытаться натянуть на нее белый халат... По сравнению с пе-

ревязкой это далось Медведю легко. Из-под халата, как он и ожидал, ничего не торчало, сверху же словно была небольшая ассиметричная сутулость, которую, пожалуй, вполне можно было прикрыть цветным шелковым шарфиком... Да, Ангел выглядела весьма странно в разгар жаркого летнего дня в халате и шарфе, наброшенном на плечи на манер шали и завязанном на груди, но так, во всяком случае, сам халат воспринимался скорее как легкий межсезонный плащ. По крайней мере, так Медведь надеялся.

Последний раз окинув комнату взглядом и убедившись, что больше им уже здесь ничего не изменить, Халат и Медведь вернули кушетку на место и приоткрыли дверь. За ней никого не было. Коридор был практически пуст. Только у пары кабинетов сидело, в общей сложности, шесть пациентов. Это было не так страшно.

Группа покинула свое убежище.

Халат шел впереди, стремясь, вероятно, своим уверенным видом отклонять любые вопросы, которые могли возникнуть у тех немногих людей, которые встречались им по дороге.

Медведь и Ангел держались сзади, буквально в двух шагах от Халата, стараясь не отставать ни на секунду. Точнее, старался Медведь. Ангел, хоть и шагала рядом с ним, все еще казалась отстраненной и не замечающей ничего вокруг.

Спустившись на первый этаж, Халат ускорил шаг. Толчок в створки двери – и яркий солнечный свет на миг ослепил его. Вот его непутевые спутники уже стоят рядом.

Медведь и Ангел остановились рядом с Халатом на крыльце. Они выбрались. Они свободны. Остался последний рывок – добраться до машины и скорее домой... Медведь чувствовал, что только дома они оба смогут вновь почувствовать себя в безопасности. И только там он сможет придумать, как быть дальше...

Ноги сами понесли его к парковке. Вот и его машина... Открываем дверцы...

– Родная, придется поехать сзади... Вот так, давай, осторожно...

Он уложил Ангела на заднее сидение, на левый бок... Медведь понятия не имел, можно ли так согнуть Крыло, чтобы она могла сидеть спереди. И потом, после всего пережитого, наверное, ей лучше полежать...

Медведь сел за руль и медленно выдохнул. Господи, ему и самому не помешал бы отдых... Но что-то подсказывало, что расслабиться он еще очень долго не сможет. До тех самых пор, пока с Ней все снова не будет в порядке.

Очнулся от своих мыслей Медведь при звуке громко хлопнувшей дверцы – Халат уселся рядом с водительским сидением и с нескрываемым презрением вынул из-под футболки ком грязной простыни, которую прихватил с собой из палаты.

– А ты...

– Ну естественно, я еду с вами! Ты сейчас не в состоянии оказывать квалифицированную врачебную помощь, а ей она

понадобится... Да и находиться там, – неопределенным жестом Халат махнул в сторону больницы, – когда поднимется шумиха, я как-то тоже не горю желанием.

Медведь посмотрел на своего коллегу. Он никак не ожидал найти в нем друга. Но друг ему сейчас был очень нужен.

– Ну поехали! Нам еще нужно будет избавиться от этой мерзости, и к тому же я очень и очень хочу в душ, – теребя испачканную футболку проворчал Халат.

Медведь кивнул и завел мотор.

Ангел едва ли могла вспомнить, как оказалась дома.

Последнее, что она помнила – дикая боль, пронзившая ее насквозь, словно вырывавшая из нее душу. Ангел помнила кровь, красное пятно, окутывавшее ее со всех сторон. И еще она помнила странное ощущение облегчения. Словно наконец свершилось что-то, что давным-давно должно было свершиться. Словно что-то внутри нее самой наконец обрело свободу – и покой.

Она совершенно не помнила, как добралась домой.

Она не могла вспомнить, был ли рядом Медведь. Хотя, наверное, был... Еще не бывало случая, когда он не оказывался рядом в тяжелую минуту. Но она не помнила.

После накатившей в больнице волны боли она ничего не видела, кроме темноты. Теперь же Ангел открыла глаза и увидела спальню. Ее щека покоилась на белой подушке. На ее собственной белой подушке. Ангел вытянула перед собой руку и в спине неприятно заныло. Она оглядела себя и обнаружила бинт. Харакири. Почему-то ей подумалось, что если бы она попыталась покончить с собой, выпустив кишки наружу, то ее бы перевязали именно так. Основательно и плотно. Чтобы не развалилась.

Ей это не нравилось, бинт давил. Это было неправильно.

Она осторожно села, прислушиваясь к каждому свое-

му мельчайшему ощущению. Нет, ей определенно было не по себе...

Все ее тело ныло, отзываясь на движения, даже сесть оказалось очень сложно. Нужно снять бинт, это все он, он слишком давит. И зачем вообще ее так замотали? Кто это придумал летом играть в мумию?

Ангел завела правую руку за спину – в области лопатки ее пронзила резкая боль. Ангел чуть не вскрикнула, но сдержалась. Она ведь сильная, смелая, она никогда ничего не боялась. Разве что только боли... Но ведь когда-то нужно начинать бороться со своими страхами?

Ангел завела за спину левую руку – да, так легче... Гораздо легче.

И зачем столько бинта? Она была им обмотана чуть ли не от самой шеи и вниз до талии. Она не понимала, почему. Ага, вот она нащупала узелок... Край бинта точно здесь, вот только как бы развязать его одной-то рукой...

Узел поддался на удивление легко. Несмотря на тугость повязки, сам узел был очень слабый. Тот, кто его завязывал, явно не служил во флоте. И огромное ему за это спасибо...

Она смогла подцепить кончик бинта, зажав его двумя пальцами, и потянула вверх. Какое же счастье, что он поддался! Сейчас она избавится от марли, и все будет замечательно, ей не будет больше так жарко и неудобно. И вообще, кто додумался обматывать ее бинтом поверх топики? Это ведь нелогично. Это ведь попросту глупо...

Черт, но почему же ей больно? Отчего так ноет спина? Она совершенно никак не могла взять этого в толк...

Бинт разворачивался, давление спадало, горка белой марли у нее на коленях росла. Ей становилось все легче и легче. Пока марля не окрасилась в розовый цвет.

Ангел испугалась. Эта марля касалась ее. Это ее кровь... Но этого же не может быть... Просто никак не может быть... Она поднесла бинт к глазам – да, так и есть... мелкие розово-красные чешуйки, хлопья, ошметки... Нет, нет, это не ее... это не она...

Ангел ничего уже не понимала, она ошарашено поднесла руку к плечу и... Нет... этого не может быть... Только не с ней...

Ангел вскочила и, не обращая внимания на боль, рванулась к туалетному столику. Жаль, как же чертовски жаль, что они так и не купили зеркало в полный рост... Споткнувшись о валявшееся на полу покрывало, ударившись коленкой о столбик кровати, она спешила к зеркалу. И на ходу остервенело стягивала с себя все новые и новые слои бинта. Ей было плевать на боль, она не хотела ее замечать. Она старалась игнорировать мерзкое ощущение, с которым бинт отлеплялся от спины, словно сдирая кожу, словно там и не было кожи... Она боялась, что ее ждет кое-что пострашнее боли, что-то, что...

– Нееееет!!!

Ангел упала на колени перед зеркалом. Она не верила то-

му, что видела. Она отказывалась в это верить. Она не заметила, как в комнату вбежал Медведь. Она замечала только Крыло. Омерзительный вырост, торчащий из спины. Она не замечала, что из вновь открывшихся ран на зеленый ковер начала капать кровь. Она видела только Крыло...

Слезы покатались из глаз Ангела.

– Нет, нет, нет, нет, нет! – она рыдала, она тряслась и больше не сдерживалась. Да, ей было страшно. Да, ей было больно. Да, она слабая! Да, она монстр!... Она отвратительный урод, она не человек, как ей теперь жить? Что случилось с ней, почему, за что?...

Ангел не понимала. Она рыдала. Она отталкивала Медведя, который пытался прижать ее к себе и утешить. Она не хотела его видеть. Она не могла его видеть. Она никого не могла и не хотела видеть. И не хотела, чтобы кто-то видел ее!

Ангел уронила руки на пол и опустила на них голову. Если бы ее плечи так судорожно не содрогались, можно было бы подумать, что она молится.

На самом же деле она проклинала тот день, когда все это началось. Она проклинала все высшие силы, которые могли сотворить с ней подобное. Она проклинала саму свою жизнь, которой сейчас пришел конец... Она не будет больше жить...

Она не сможет жить *такой*.

Прошло несколько дней.

Эти несколько дней казались Медведю Адом.

Ангел постоянно плакала, куталась в халатик, пытаясь прикрыть Крыло, пытаясь, вероятно, выглядеть нормальной, казаться нормальной, чувствовать себя нормальной... Но все вовсе не было нормальным. Все было отвратительным. Все было неправильным...

Самым нелепым было то, что Медведю нужно было ходить на работу, как ни в чем не бывало. Нужно было ходить в магазин, готовить еду, как будто ничего и не случилось... Вот только теперь готовить можно было на одного. Ангел почти ничего не ела. Во всяком случае, при нем.

Халат регулярно приходил проводить ее, осмотреть, обработать раны. Медведь был ему очень благодарен... Нет, ведь и правда – он никогда не видел в Халате никого кроме коллеги, поверхностного знакомого, а оказалось, что это – добрейшей души человек. И пусть он этого не показывал, говорил резко и отрывисто, но Медведь прекрасно понимал, что Халат действительно переживает за них. Иначе он не стал бы связываться во всю эту историю, а просто вызвал бы начальство, когда все произошло... И Ангела бы забрали. Медведь даже думать боялся, что могли бы с ней сделать, если бы все обнаружилось. А ведь в первые пару дней дома он ни-

как не мог понять, почему так стремился сбежать, увести ее, спрятать, почему не обратился за помощью там же, в больнице – в конце концов, разве это не самое подходящее место для решения подобной проблемы? Ведь это Крыло – явно вопрос медицинский. Никакой мистики, никакой магии здесь быть не может. Это – вопрос организма, мутаций, странной реакции на неизвестно что... Однако теперь Медведь был рад, что сбежал. Он чувствовал гордость за то, что практически выкрал Ангела из рук врачей и ученых, которые могли бы препарировать ее, как лягушку, или хуже того – как прищельца... Подумать только, ведь он мог никогда больше ее не увидеть... Хотя... он ее редко и видит, на самом деле. Ангел стала избегать его. Они почти не разговаривали, почти не смотрели друг другу в глаза, почти не касались друг друга.

Это тоже было неправильно. Но ей требовалось время... Да. Им обоим требовалось время, только и всего. Они успокоятся, придут в себя – и решат, что нужно делать. Они избавятся от Этого, и все снова станет как раньше, все снова будет хорошо, все снова будет нормально. Все будет так, как и должно быть.

Все наладится. Все уже налаживается. В больнице вот, например, никто особо не интересовался, что произошло. Ему, конечно, пришлось наврать с три короба, будто психически нездоровая пациентка проткнула ему руку скальпелем. Куда потом девалась пациентка? А вот пришлось подготовить ли-

повые документы, направляющие ее на другой конец страны в психдиспансер. Конечно, ему не поверили. Хотели вызывать милицию, но он отказался писать заявление – мол, что с ненормальной возмешь? Хотели осмотреть его рану, ведь было столько крови, наверняка все очень серьезно! – но нет-нет, спасибо, меня уже лечит Халат, да, он лично меняет мне повязки, да, он подтвердит мои слова. И Халат подтверждал. Он действительно оказался другом. Медведь понятия не имел, что же делал бы без него. Теперь они очень часто виделись. На работе – как «лечащий врач и пациент», и дома – когда Халат приходил к Ангелу. Видимо, это именно он уговаривал ее съесть хоть что-нибудь. Он умел убеждать. А вот Медведя Ангел совсем не слушала. Она отворачивалась, когда он входил в комнату.

Но это пройдет. Он знал. Он верил. Они оба успокоятся, и все снова будет хорошо. Все снова будет нормально.

Как только за Медведем закрывалась дверь, Ангел вставала с постели. По вечерам она рано ложилась, усиленно изображая сон, но не спала. Она притворялась, чтобы не разговаривать с ним. Чтобы не смотреть на него. Чтобы не видеть, как он смотрит на нее. Она очень боялась заметить в его глазах жалость... Его жалости она боялась даже больше его презрения...

Поэтому по ночам она лежала, отвернувшись к стене, и молча слушала, как он дышит. Она старалась дышать ровно и размеренно, чтобы он считал, что она спит. А вот он сам дышал беспокойно. Ангел подозревала, что они оба не могут спать. Ночь казалась бесконечной... Но она не могла повернуться к нему и поговорить. Просто не могла.

В хорошие ночи ей удавалось продремать пару часов, но с рассветом она открывала глаза, а кошмар никуда не уходил. От этого сна ей было не проснуться... Вот оно, Падение. И никакой надежды для нее больше нет...

С такими мыслями она встречала каждое утро, по-прежнему глядя в стену и прислушиваясь. Она старалась не шевелиться, когда Медведь ворочался, когда вставал с постели, ходил по квартире, собирался и отправлялся на работу.

Как только за ним закрывалась дверь, Ангел вставала. Но не знала, зачем. У нее не было цели. В ее днях не было

смысла. Ей было больше не к чему стремиться и нечего желать.

Совершенно автоматически она шла умываться, стараясь не смотреть на себя в зеркале, ходила в туалет и завтракала. Она не хотела есть, не понимала толком, зачем ей и вообще длить свое существование – ведь жизнью это уже не назвать... так может, просто перестать есть, и все? Но почти каждый вечер приходил Халат. Он промывал ее раны, накладывал новые повязки. Он успокаивал ее, говорил, что – на удивление – поврежден лишь самый верхний слой кожи, что столько крови было из-за капиллярного кровотечения, а теперь все очень хорошо и быстро заживает. Почему же он не понимал, что ничего не заживает? Крыло не отваливается, дыра в душе не зарастает... Она калека. И будет такой всегда. Подобное не заживает... Но Халат успокаивал ее, утверждал, что все наладится, и ей хотелось верить... Нет, она не верила, но очень хотела верить... А потому по утрам съедала кусочек хлеба. Ей не хотелось делать бутерброды – слишком много мороки, да и никакого удовольствия от еды она не получала. Так к чему же напрягаться? А хлеб Медведь покупал уже нарезанный, так что оставалось лишь взять ломтик из пакета – и заставить себя его проглотить.

А вот после этого утреннего ритуала она оставалась наедине с собой. Больше было совершенно нечего делать. Она пробовала смотреть телевизор, но он ее раздражал. Она пробовала читать, но не могла сосредоточиться настолько, что-

бы понять больше двух предложений со страницы. Она пробовала выходить на балкон, но ей казалось, что все видят ее, что все смотрят на нее, показывают пальцем, смеются, обсуждают... И она снова пряталась в квартире. Она пробовала рисовать, но рисовать ей было нечего. Она не спала, а потому ей ничего не снилось. Ей было нечего рисовать... Кисть просто выпадала из отказывающей подниматься руки.

А потом Ангел снова подходила к балконной двери. Ее тянуло туда... И не потому, что хотелось глотка свежего воздуха. Не потому, что было жарко. Не потому, что хотелось понаблюдать за прохожими.

Ангела звало Небо. Она не понимала, почему, но она хотела только смотреть на Небо. У нее не осталось никаких других желаний. Небо манило ее и успокаивало. Только глядя в Него, растворяясь в Его бескрайней и бездонной синеве, она успокаивалась. Только тогда она начинала вновь чувствовать себя собой, вновь могла дышать и надеяться. Она не знала, на что ей надеяться... Но Небо говорило, что все будет хорошо, ей просто нужно подождать...

В один из таких дней Ангел устала ждать. Она решила отрезать Крыло.

Когда Халат и Медведь вошли в комнату, она уже усиленно водила ножом по верхней части Крыла, пытаясь дотянуться до самого стыка со спиной, пытаясь выдрать его с корнем...

Двое мужчин еле смогли ее остановить, отобрать нож, вколоть успокоительное и обработать новые раны.

Ангел уснула, но не успокоилась. Ей было не нужно Крыло.

– Нужно договориться об операции.

– Нет, не нужно.

– Черт, да как так не нужно!? Ты же сам видел, *что* она сделала!

Ангел давно уснула, стрелки часов уже ушли в завтрашний день, а Медведь с Халатом все сидели на кухне и не могли решить, что делать. Точнее, решить-то решили, но каждый свое... И ни один не хотел уступать.

Медведь никак не мог прийти в себя после того, как увидел Любимую с ножом. Она была так сосредоточенна, по лицу катились слезы, но ни звука не слетало с губ... Наверное, ему никогда не забыть эту картину... В первый миг он подумал, что она хочет убить себя, что он ее вот-вот потеряет... Но все позади, она спит за стеной, а значит, он может жить дальше. Без нее – не смог бы.

Он прекрасно понимал, что ей тяжело. Он видел, как она мучается. Он почти физически это ощущал – такой атмосферы в их доме не было никогда: подобной отчужденности, холодности, напряженности...

Она хотела отрезать Крыло – что ж, он ей поможет. Если так ей станет легче, то он должен сделать все, чтобы помочь. Тогда и только тогда все у них наладится. Когда она станет прежней, тогда прежней станет и их жизнь.

Поэтому вот уже четыре часа кряду Медведь пытался убедить Халата в том, что операция необходима, что Крыло нужно удалять – и как можно скорее.

И уже четыре часа кряду Халат не соглашался.

– Господи, ну как же ты не понимаешь, насколько эта операция будет для нее опасна! Мы ведь еще до сих пор так и не изучили аномалию, все ходим вокруг да около, сюсюкаемся с твоей девчонкой, ждем, пока она успокоится, а дело вперед не продвигается! Ты хоть представляешь, *что* может случиться, если мы полезем туда безо всякой подготовки? Что, если там сформировались новые артерии, в которые мы по дурости попадем и не сможем остановить кровотечение, потому что попросту будем не готовы к этому? Что, если мы не сможем найти верное место сочленения костей, а то и вообще ее кости теперь срослись не в традиционном порядке, а каким-то совершенно невообразимым образом, о котором мы совершенно не имеем понятия?

– Да, но все-таки...

– Черт, ну ты совсем идиот, или прикидываешься!? Как ты не понимаешь, что мы запросто можем ее угробить, если станем делать такую операцию!

– Мы все проверим, проведем обследование... И вообще не ори на меня! Ты в моем доме, и я имею право тебя выставить!

– Прости...

Халат уже взрывался, у него не хватало никаких сил уве-

щевать этого тупицу... Он потратил целый вечер на то, чтобы успокоить Медведя, чтобы не дать ему самому прямо там же, на месте, отрезать девушке Крыло. Он чокнутый... совершенно чокнутый... Но Халату было очень важно обыграть ситуацию так, как он запланировал... Он не может допустить, чтобы все пошло крахом именно сейчас.

– Ладно, прости еще раз, – сказал он дующемуся у окна Медведю. – Просто ты должен понять, что это опасно. Действительно опасно. А полноценного обследования мы не сможем провести. Не возражай, помолчи, прошу тебя! Послушай меня хоть немного! Так вот... Мы не сможем провести обследования, потому что нужно будет отвезти ее в больницу. Ты помнишь, с каким трудом мы оттуда выбрались?

Кошмарные образы тут же закружились в голове Медведя... Да, он помнил, и нет, он не хотел об этом вспоминать.

– А теперь представь себе, что будет, если ты надумаешь провести ее обратно. Ты только подумай, что начнется, если ты *в открытую* приведешь в больницу девушку с Крылом. Неужели ты не понимаешь, какой поднимется шум? Фотографы, репортеры, телекамеры, местные и центральные новости... Да скоро это прозвучит на всю страну! Она же станет очередной темой номер один в прессе! Только подумай о сотнях роликов в Контакте, которые будут обсуждать все, кому не лень? И ведь это только одна сторона... Что будет, если этим случаем заинтересуются всерьез? Ты хоть пред-

ставляешь, что с ней могут сделать? С *твоей* девушкой?? Ее истыкают иголками, ее будут непрерывно таскать на анализы и томографии, ее будут фактически пытаться, выискивая ген Крыла, в конце концов! Ты понимаешь, что значит это для человечества?? Обрести Крылья? Да очень многие, пусть никто и не признается, мечтают о Крыльях! Это мечта с добиблейских времен, с первых минут, когда люди увидели птиц! Почему ангелов на картинах, по-твоему, всегда изображают с Крыльями? Да потому что люди *хотят* Крылья, и они пойдут на что угодно, если узнают, что их получить можно.

Медведь пораженно молчал. Он думал, много думал о том, что будет с ними... Но такого сценария его воображение еще не подкидывало. Он не ожидал, что Халат окажется таким глубоким человеком, способном с такой легкостью, с таким знанием дела рассуждать об Ангелах и Крыльях. Не ожидал, что тот настолько четко может представить себе варианты развития ситуации. Халат прав... Теперь, как никогда ясно увидев все те ужасы, через которые Ангелу придется пройти, Медведь и правда понимал, что в больницу им никак нельзя...

– Но что же нам делать? В таком случае тем более никак нельзя оставлять Крыло при ней. Она ведь не сможет так жить. Она никогда не выйдет из дома, она никогда не встретится с друзьями и родными... Господи... Что же я скажу ее родителям? У нас ведь скоро свадьба и они должны будут приехать...

– Вот насчет свадьбы, на твоём месте, я бы тоже подумал. И очень хорошо подумал... Нет, нет, я вовсе не имею в виду, что нужно бросать девушку в такой ситуации, но ведь выйти на улицу, как ты сам сказал, она не может. А там будут гости, фотографии, зеваки...

– Боже мой...

Медведь снова сел к столу, поставив на него локти и зажав голову руками. – И что же мне делать?

Он не то, чтобы ждал ответа на свой вопрос. Он надеялся, но ничего не ждал.

Тем отчетливее в тишине кухни прозвучал ответ Халата.

– Мы удалим Крыло, но сами. И обследование проведем сами. Потребуется гораздо больше времени, потому как работать будем здесь, можно сказать, в полевых условиях... Но доверься мне. Я сам все организую, я все это возьму на себя. От тебя потребуется лишь делать то, что я скажу, и вести себя, как ни в чем не бывало. Главное, постарайся больше ничем не выдавать своего состояния на работе. Сегодня вот ты забыл надеть повязку. Я еле убедил особо наблюдательную медсестру, что ты просто перешел на пластырь с подложенным марлевым тампоном... Помни, что тебя – по легенде – довольно серьезно ранили, и что ты – по легенде – вполне в норме морально. Так что должен работать, и работать хорошо, чтобы тебя не выгнали, или, что того хуже, не начали копать глубже и не нашли бы Ее. Ладно... Я пойду, пожалуй. Увидимся завтра.

Халат потрепал Медведя по плечу и вышел с кухни. Через минуту Медведь услышал, как с щелчком захлопнулась входная дверь.

Он так и не осознал, что в описании кошмарной сцены опытов над Ангелом Халат рассказал ему именно о том, чем собирался заняться сам.

Халат был для него другом.

Лето не становилось прохладнее. У всех складывалось ощущение, что по мере приближения осени воздух лишь все сильнее раскалялся. Телепрогнозы погоды не обещали никаких осадков еще ближайшие две недели, как минимум. Конечно, их предсказания сбывались крайне редко, но в этот раз все почему-то верили. Достаточно было просто выглянуть в окно, чтобы понять – мир превращается в пустыню.

Осенью еще даже не пахло. Буквально. Ангел очень ждала ее запаха... Аромата влажной земли, начинающих гнить листьев, отсыревающего дерева скамеек во дворе... А еще очень не хватало плеска капель непрерывного дождя по асфальту. Все это мелочи, но ей их отчаянно не доставало...

Сейчас же единственным, что хоть отдаленно, но напоминало осень, была пожухшая листва. Но увы, вовсе не ярких теплых расцветок. Все листья были бурыми и свернувшимися в трубочку. Наверное, если к ним прикоснуться, они тут же рассыплются в пыль. В прах. В песок. Она не знала наверняка. Она не могла к ним прикоснуться. Она не могла выйти из дома.

Уже начинался август... И все эти дни она просидела в четырех стенах, слыша только мерное тиканье часов днем и дыхание Медведя ночью. По вечерам он порой включал новости, но телевизор по-прежнему раздражал ее. На самом деле,

он раздражал ее все сильнее.

Время шло, но лучше Ангелу не становилось. Ничего не менялось: Крыло не исчезало, даже не уменьшалось, а ведь она так надеялась, что оно соохнется и отпадет... Легко и быстро – как хвост ящерицы... Но тогда бы оно могло вырасти вновь... А это ей вовсе не было нужно. Пусть уж все будет так, как есть. И со временем Халат найдет выход. Вот только времени у нее не было...

Единственное, что вернулось к ней за месяц – это способность более менее здраво мыслить. Она теперь прекрасно понимала, что никогда не сможет объяснить произошедшее с ней даже самым близким и родным людям – маме с папой. Она не могла допустить, чтобы они видели ее. А бабушка со слабым сердцем? Нет, такого удара она не перенесет... Так пусть лучше считает, что у внучки проблемы в личной жизни, чем проблемы с Крылом. Да, это даже звучит глупо... Она никак не сможет сказать им, что с ней на самом деле не так – и это было даже страшнее самого наличия дурацкого отростка.

У нее не было времени – исследования Халата займут еще далеко не одну неделю, а родители должны приехать через два месяца... Нет, она больше не готовилась к свадьбе. Какое тут может быть платье? Какой торт? Какие голуби? Ей не было дела до этого... Какая тут вообще может быть свадьба?

– Милый...

Медведь сидел на кухне и пил чай. Он смотрел телевизор с приглушенным звуком, но как только она вошла, выключил его и повернулся к ней. Он обрадовался. Она уже долго не говорила с ним. Еще дольше не начинала разговор первой. А уж Милым в последний раз называла вообще, наверное, в прошлой жизни... Жизни, что была до этой Катастрофы.

Поэтому так и засияли его глаза... Бедный, глупенький Медведь... Он считает, что все приходит в норму... Он совсем не ожидает того, что она сейчас ему скажет... Того, что она должна ему сказать. Ей жаль его, но... Но она не может иначе.

– Родной... Я очень долго думала...

Он насторожился. Она видела, как напряглись все его мышцы, каким затравленным стал взгляд. Да, он почувствовал. Он все понимает...

– Нам не стоит жениться.

– Солнышко, ну что ты... Конечно же, мы отложим свадьбу.

– Ты не понял... Нет, ты все-таки не понял...

– Чего, любимая?

– Нам не стоит жениться вообще.

Он резко поднял голову и выпрямился. У Ангела было такое мерзкое ощущение, будто она только что дала ему пощечину... Хотя, именно это она и делала – избивала его словами.

– Милая, ну зачем сразу...

– Я знаю, это больно. Прости меня. Но нам нельзя жениться.

– Ну почему же?! Ведь это глупо, Солнышко – мы решим эту проблему, и все наладится! Нужно только все перенести.

– Нет. Я уже сказала тебе – свадьбы не будет. Не будет вообще.

– Но почему...

– Да помолчишь ли ты??

Она не хотела кричать... Она хотела все сказать просто и ясно, ровным голосом, не расстраивая еще больше ни его, ни себя. Но он все портил... Ну почему же он снова все портил? Почему он так нетерпелив?

– Я много думала – не вставай! Только не вставай, не подходи ко мне, дай договорить!

Он послушно опустился обратно на табуретку. Такого загнанного взгляда она никогда у него не видела... Ей было больно все этого говорить, было больно смотреть на него... Ангел отвернулась к стене, теперь она стояла к нему в профиль. Так она могла краем глаза уловить его движения, но не видела его лица.

– Нам нельзя жениться.

– Да почему же?!

– Черт, заткнись! Я и пытаюсь тебе это объяснить!

Медведь обиженно замолчал, Ангел снова повернулась к стене.

– Свадьба – это единение двух человеческих сердец, двух

судеб, двух жизней. А я... Я теперь не человек. Я не нужна тебе.

Голос Ангела задрожал. Она больше не была сильной, она была слабой и испуганной. Ей было больно и тяжело, ведь только сейчас, озвучивая свои мысли, она поняла их истинную суть.

– У нас... У меня... Нет... Будущего...

Теперь слезы катились по ее щекам. Ангел не пыталась их останавливать. Ее сердце готово было разорваться.

– Я... Я просто урод... Мутант... Я – я не человек...

Ангел повернулась к Медведю. Ей было больно... Наверное, она посмотрела на него умоляюще, потому что он встал и быстро приблизился к ней.

– Тишш, родная, это глупости... У тебя всего лишь небольшая проблема... Косметический дефект, не стоит из-за этого так себя накручивать, не нужно ломать то, что...

– Ты не понимаешь!

Ангел вывернулась из его объятий, оттолкнула его руки.

– Ты ничего не понимаешь...

– Солнышко...

– Нет! Я сказала, нет! Не подходи ко мне!

Ангел выскочила из кухни. Когда Медведь вышел в коридор вслед за ней, он увидел только захлопывающуюся дверь спальни.

Ангел повернула замок и боком сползла вниз по двери. Чертово Крыло... Она даже сидеть нормально не может...

Теперь она рыдала в голос. Он не понимал... Но ему придется понять... Совсем скоро он и сам придет к мысли, что у них ничего не может получиться. Лучше, если она все порвет сейчас. Лучше... Гораздо лучше. Но тогда почему же ей так плохо?..

Медведь смотрел на белую дверь.

Ангел вычеркнула его из своей жизни. Она не хочет, чтобы они были вместе. Она не хочет, чтобы он был рядом. Неужели он ей не нужен? Медведь был уверен в обратном. Именно сейчас он ей нужен, как никогда. И она ему нужна... Что бы ни было, что бы она ни говорила, он будет рядом с ней. Она просто нервничает. Стресс так и не проходит. Все легко объясняется, и она ни в чем не виновата. Не стоит принимать близко к сердцу ее слова. Он это понимает. Но тогда почему же ему так плохо?..

Той ночью Медведь спал на диване в гостиной.

Спал – одно название. Медведь так и не смог уснуть. И дело было не только в удушающей жаре.

Полночи Медведь проворочался с боку на бок, силясь уснуть, но среди стен, увешанных Ее картинами, он чувствовал себя крайне неудобно. Когда он поворачивался на правый бок, зеленый еж буравил его взглядом, словно обвиняя в чем-то. То ли в своем несуразном цвете, то ли в жаркой ночи, а то ли и вовсе в том, что Медведь самым своим присутствием мешал спать ему, ежу. Со вздохом, Медведь поворачивался на левый бок, но из противоположной стены на него выпрыгивал леопард. Ангел очень любила этих больших кошек и почему-то запечатлевала их с потрясающей реалистичностью. Раньше Медведь никогда этого не признавал, но именно в эту ночь он различил все мельчайшие детали картины – острые зубы, яростный взгляд, агрессивно выпущенные когти – вся хладнокровная жестокость первобытного хищника, бесстрастного охотника просилась прочь из своей узкой рамочки. Несмотря на жару, по спине Медведя пробежал холодок. Ему казалось, что пятнистый хищник вот-вот набросится на него, презрев условные различия между своим двух- и его трехмерным мирами. И почему же днем этот зверь всегда казался ему воплощением грации, кошачьего изящества, гибкости и легкости? Ничего подобного

не существовало ночью. Был лишь убийца.

Со стоном, Медведь уткнулся лицом в подушку. Так он не видел картин. Но так он не мог дышать. Уснуть в подобном положении ему явно не удастся.

Вот он уже лежит лицом к потолку. Нет... Он никогда не мог спать на спине. Бесполезно.

Чертыхаясь про себя, Медведь сел. Поспать ему явно не удастся, но чем же занять себя?

Прежде всего – подышать... Да, именно воздуха ему сейчас хотелось больше всего. Именно воздуха ему не хватало всю ночь. Он старался не думать о том, что Ангел была ему нужна как воздух... Он хотел просто воздуха. Воздух не может причинять боль. Воздух не может мучить. Только его отсутствие.

Балкон. Окна распахнуты в ночь. Окна не закрывались уже много дней...

И хоть бы какой-нибудь ветерок... Хоть бы одно дуновение...

Нет, ничего.

Ничего, кроме темно-синего неба и нескольких звезд. Но даже эти звезды сейчас казались не далекими и холодными, а палящими и раскаленными, близкими, но бездушными, как само Солнце.

Медведю ничего не оставалось, кроме как вернуться в комнату и снова сесть на диван.

Мысли его едва шевелились, но спать уже не хотелось. Да

и хотелось ли вообще? После того, что сегодня произошло... После того, как она такое сказала ему... Да, конечно, он решил забыть и не прислушиваться к этому, но неприятно все равно было. Ему все равно было больно. Ему все равно было страшно. Ведь что, если она говорила серьезно? Что, если это не временный стресс, не депрессия, вызванная усталостью от всего этого... Что, если им и правда больше не быть вместе?

В невыспавшейся голове Медведя было тяжело... На сердце было не легче. Он не знал, что ему делать, как себя вести с ней, что менять...

Утро вечера мудренее? Замечательно. Только как же дождаться утра, когда ночь даже не собирается кончаться?

Медведь опустил голову и взъерошил пальцами волосы. Он запутался... Пожалуй, еще никогда за всю свою жизнь он не чувствовал себя таким потерянным и опустошенным.

Бессмысленным взглядом Медведь обвел комнату. Черные, синие, голубые цвета – тени подступали к нему изо всех углов, окружая, опутывая, стягивая... Его глаза уже привыкли к темноте, но все равно – ночь никогда еще так не пугала его.

Пытаясь уйти от теней, Медведь отчаянно старался зацепиться взглядом за что-то светлое. Сперва ему казалось, что светлыми в комнате были только простыня и подушка – белый остров посреди черного моря ночи. Но потом, прямо в сердце тьмы, в одном из углов, он заметил какой-то от-

блеск, просвет. Медведь тут же встал и направился туда.

Две картины... Светлый холст – вот, что притянуло его взгляд. Чистый холст оборота... Медведь поднял обе картины – не очень большие – и перевернул.

На той, что оказалась сверху, был человек с крыльями. Огромными, пышными крыльями. Нельзя было сказать, Ангел это или Демон, Икар или же просто – некий Человек с крыльями. Одежда на изображенной фигуре была какая-то бесформенная, бесполоая, бесцветная – словом, совершенно ничего не говорила о персонаже. Похоже, тот летел, поднимался в небеса. Его лицо было повернуто вверх, к облакам, насколько Медведь мог судить. То ли из-за реальной ночи и темноты, то ли так была написана сама картина, но различий между небом и землей почти не было видно. Полутона, тени, штрихи... Во всяком случае, Медведю казалось, что верхний край картины немного светлее нижнего. А значит, там и небо. Одно смутило Медведя – на лице Ангела/Демона/Человека застыло выражение мрачной обреченности, покорности, смирения, принятия неизбежного. А ведь он летит... Где же радость от полета, где упоение свободой? Хотя... Ангел ведь рисовала под влиянием своей истории. А какую уж ей свободу принесло Крыло? Какую радость?...

Странно. Картина подписана. Ангел никогда не называла свои работы. Могла, конечно, вслух давать им прозвища, иногда даже беседовать с их персонажами... Но она никогда раньше не писала название на холсте. Здесь же в нижнем

левом углу четко вырисовывалось даже в ночном полумраке вертикальное слово: «Полет». Медведь почему-то почувствовал, что от этого несоответствия названия и сути картины у него по спине бегут мурашки. Он тихонько бросил полотно на постель – и застыл в недоумении над второй картиной. Перед ним был полный аналог предыдущей сцены. Тот же герой, тот же фон, та же обреченность... Но подпись другая – «Падение». Хотя... Да, тона фона немного различались. Здесь вверху – там, где была голова Икара, тени сгустились несколько сильнее, чем внизу.

Медведь перевернул картину. Да, так правильнее... Теперь и название стоит там же, где и на первом полотне – в нижнем левом углу, вертикально, опираясь на первую букву. Странная мысль пришла в голову Медведю. Но проверить ее все равно стоило.

Медведь положил рядом обе картины. Вниз – вверх. Перевернуть первую. Вверх-вверх. Перевернуть обе. Вниз-вниз. Странно... У обоих героев (или одного и того же?) совершенно идентичное выражение лица. Будь это полет или падение – ничего не меняется. Человек с Крыльями выглядит несчастным и безучастным ко всему, что может происходить вокруг него. Будь то радость, или горе – ему все равно. Он заперт в себе и не смотрит по сторонам. Смотрит только вперед. Вверх. Вниз. Не важно. Ему уже ничего не важно...

Не в первый раз за ночь Медведь почувствовал, как по его спине бегут мурашки. Только теперь ему действительно бы-

ло страшно. Ему было жутко. Он не мог объяснить, не мог понять, почему. Но его начала колотить мелкая дрожь. Он быстро вернул обе картины в их угол, убедившись, что стоят они изнанкой к нему, а своим содержимым к стене. Медведь завернулся в одеяло и лег. Ему было холодно. Да, в эту душную, жаркую летнюю ночь ему было холодно.

И он уснул.

И ему снилась Ангел. Ангел, летящая вверх. У нее было два Крыла. Два белых, грациозно и величественно взмахивающих Крыла. Но Мир внезапно перевернулся, и вот она полетела вниз...

Ангел не хотела его видеть. Почему же он не уходит? Ведь она сказала – ничего не будет. Больше у них ничего никогда не будет.

Да, ему некуда идти... Квартира хоть и общая, но записана на него... Однако, не ей же уходить? В таком виде она далеко и не уйдет... А вот он пока вполне мог бы пожить в гостинице. Или у Халата. Да, у Халата. Тот ведь живет один.

Хотя нет... Она не хотела, чтобы он жил там. Тогда Халат будет после каждого осмотра по-прежнему отчитываться перед Медведем, сообщать обо всех изменениях, происходящих с ней, о ее состоянии и настроении... А ей это было не нужно. Она хотела, чтобы он не слышал о ней.

Чтобы он забыл о ней.

Халат же другое дело. Теперь она общалась только с ним. Он стал ее врачом и сообщником. Он один что-то делал, он убеждал ее, что все наладится, что все, вероятно, и правда можно будет исправить.

Конечно, Медведь говорил ей то же самое... Но он это делал из жалости. Именно поэтому ей было совершенно ненужно, чтобы он находился рядом. Именно поэтому она запиралась в спальне все то время, что он был дома.

Она и сама старалась отрешиться от него, забыть... Она думала, что это будет легче, если она не сможет видеть Мед-

ведя. С глаз долой, из сердца вон, и все такое... Но легче не было. Каждую ночь она слышала, как он ворочается на диване за стеной, как постанывают под ним пружины, как он ходит по комнате... Ангел старалась не шевелиться, чтобы не выдать себя, и тихо слушала... Ей хотелось выйти к нему, но она запрещала себе даже думать об этом. Это было бы неправильно. Верное решение было только одно, и она его уже приняла. Теперь оставалось ему следовать. Хотя она должна была признаться себе, что без Медведя вряд ли бы выжила просто на бытовом уровне. Несмотря на всю помощь Халата, именно Медведь ходил за продуктами, убирал в квартире, стирал ее грязные вещи, которые Халат периодически выносил из спальни после своих осмотров.

Да, это все унижительно... Но она была благодарна обоим. Медведя она любила. А Халат давал ей Надежду. Она очень хотела верить ему... Поэтому и сразу же рассказала о зуде.

Однажды утром она очнулась от дремы и поняла, что Крыло нестерпимо чешется. Это было омерзительное ощущение – по всей поверхности отвратительного Отростка волнами проходили зуд, покалывание, пощипывание, жар, мурашки – все сразу. Тем же вечером халат сделал пару охлаждающих компрессов, снова подивившись тому, как быстро зажили раны на спине. Компрессы помогли, но ненадолго. Да и всю площадь Выроста они не покрывали. Потом, как вариант, появилась мазь, снимающая зуд и раздражение кожи.

Но сама Ангел не могла нанести крем на всю поверхность Крыла, а Халату это не доверила – слишком интимным, почему-то, ей казался этот процесс... Одно дело – осмотр, компресс и прочее... Но совершенно другое – нежные, массирующие прикосновения. Крыло или нет, но только Медведь мог *так* ее касаться. Однако теперь она запрещала себе общаться с ним. Так что приходилось терпеть.

Ангел подозревала, что зуд вызван раздражением от халатика, который теперь носила постоянно, прижимая Крыло к телу, сминая, сдавливая его. Это было ужасно неудобно, порой ей сводило все мышцы спины, но так она видела в зеркале просто горб, а не нечеловеческое уродство. При каждом шаге Крыло неприятно постукивало ее по ноге. Оно не давало ей забыть, что Оно там, что Оно никуда не делось – и деваться не собирается, что Оно живет и ждет своего часа.

Ангел не знала, что случится, когда этот час настанет. Да ей, в общем-то, было уже все равно. Оно устала бороться. Она устала бояться. Она жила лишь ожиданием того момента, когда Халат скажет, что Крыло можно отрезать. Она могла лишь надеяться, что это случится раньше, чем Оно покажет, к чему готовится, чего ждет от нее.

А пока она старалась скрыть Крыло, спрятать Его, не видеть Его, не думать о Нем. Если бы не постоянно ноющая спина и непрерывное соприкосание Крыла и бедра, ей бы это даже удавалось. Она специально взяла синий халатик. Ярко-ярко-синий шелковый халатик. Тонкая ткань трещала,

едва справляясь с возложенной на нее задачей, но пронзительный цвет отвлекал ее, перетягивая на себя все внимание глаз.

Был в этом и еще один плюс: халат прятал не только Крыло, но и то, что Оно уже успело натворить.

Теперь, когда ее спина почти зажила, стало ясно, что с ней навсегда останется огромный уродливый шрам вдоль позвоночника – в том месте, где Крыло вырвалось на свободу. Шрам будет просто чудовищный... И даже если она сумеет избавиться от Крыла, он никуда не исчезнет. Он всегда будет ей напоминать о том, что произошло. Ее не волновало, что с этим шрамом нельзя будет носить открытые топики, платья с вырезом на спине, и прочее. Она не боялась такого остаточного уродства. Ей лишь не хотелось когда-либо вспоминать об уродстве изначальном.

И поэтому халатик ей пришелся как нельзя более кстати – пряча и Крыло, и Шрам. Иначе Шрам был бы на виду – ведь теперь она как раз и носила только открытые топики и разрезанные футболки с приделанными на воротник завязками. С торчащим Крылом одеться было большой проблемой. И ведь сейчас еще было лето. Она даже представить себе боялась, что будет зимой, если вдруг она все-таки начнет выходить на улицу.

Оставалось лишь надеяться, что Халат справится. Что он отрежет Крыло до зимы. Что он отрежет Его как можно раньше. Что он вообще Его отрежет.

– Да, уже восемь дней! Представь себе только, восемь чертовых дней!

– И что, ты совсем-совсем ее не видел?

– Говорю же тебе, я ухожу – спальня еще заперта, прихожу – уже заперта! Я не знаю, открывает ли она дверь вообще, ну, кроме тех моментов, когда ты появляешься.

– Открывает, поверь, она мне говорила.

Халат курил на кухне, вольготно откинувшись на спинку стула. Он был спокоен и доволен. Дела его шли лучше некуда, материала набиралось все больше, а вот разлад между голубками произошел как нельзя более кстати. Теперь голубка практически полностью в его распоряжении. О лучшем и мечтать нельзя.

Медведь же остервенело метался по кухне – от плиты к раковине, от раковины к холодильнику, от холодильника к стулу, садился, вскакивал, смотрел в окно. Мысли не давали ему покоя.

– Скажи, она ведь ест хоть что-нибудь?

– Ест, ест, я уже тебе говорил. Не опасайся на сей счет. Я ведь ее врач, я слежу за ее здоровьем. Так что успокойся. Я за всем присматриваю, это уже не твоя проблема.

Но вальяжный тон Халата вовсе не успокоил Медведя. Почему-то он его взбесил.

– Знаешь, у меня складывается такое ощущение – почему-то, и я понятия не имею, почему, – что ты себя чувствуешь здесь главным! Она – *моя* девушка, так что не смей отодвигать меня в сторону! Это *моя* проблема, все еще *моя*!

– Хм, но мне казалось, что вы вроде как расстались, – невинным тоном обронил Халат, стряхивая пепел в красное блюдо. Большая часть горячего серого праха упала на скатерть, когда-то белую, теперь же сплошь покрытую шрамами, ожогами, кругами от чашек кофе. Медведьпил много кофе, Халат много курил. Каждый по-своему справлялся с волнением. Один – с натужным и жестоким, другой – с приятным и очень многое ему обещающим.

– Это она так думает, – сквозь зубы проворчал Медведь, пытаясь взять себя в руки.

– И что же? Разве этого мало?

– Да, мало! В таком вопросе нужно согласие обеих сторон! И вообще, это – не твое дело!

– Ну как врача, меня касается все, что касается пациентки... Но вот тут уже *ты* ведешь себя, как собственник. То, что она не может никуда отсюда выйти, не делает тебя ее обладателем. Ведь сам посуди – у вас детей нет. Да вас бы даже в Загсе развели безо всяких проблем – хватило бы только ее заявления, то есть – одной стороны! А так вы даже не женаты, и технически – она свободна.

– Не лезь в это! – Медведь окончательно рассвирепел. – Это уже *наше* с ней личное дело. Это касается только ее и ме-

ня! И не смей! – слышишь? – *не смей* говорить ей то, что сейчас мне сказал! Не смей ее против меня настраивать!

– Ой да господи ж ты боже мой, как разошелся, – Халат был удивлен, но его спокойствие не растаяло. – Будто я прямо что-то такое удивительное сказал. Ладно, не переживай, я занимаюсь ее физическим состоянием и мне, в общем-то, все равно, что там между вами происходит.

– Что ты только что сказал? – голос Медведя стал тихим, низким и как-то странно завибрировал.

– Сказал, что мне все равно, что у вас...

– Я слышал, *что* ты сказал! – перебил Медведь с почти звериным ревом.

– Тогда зачем спрашиваешь?

Пепел снова попал в блюдо лишь частично. Определенно, невозмутимость Халата ничто не могло нарушить. Слишком уж комфортно он чувствовал себя в последнее время. Воистину, мир был создан для него. А этот клоун перед ним – всего лишь досадное недоразумение, мелкая помеха, не более того.

– Затем, что мне вовсе не нравится, *как* ты это сказал.

– И как же? – полувозмущенно-полунасмешливо правая бровь Халата поползла вверх.

– Так, будто ты действительно имеешь какое-то право совать свой нос в наши отношения. Так, будто ты уже и сам в них лично участвуешь!

– Ооо, я, кажется, понял.

Халат улыбнулся. Вся эта ситуация все больше и больше его забавляла.

– Кто-то здесь, кажется, ревнует.

Пепел снова упал мимо блюдечка.

– Да, я ревную! Мне категорически не нравится, что ты общаешься с ней, что так говоришь о ней, что она пускает тебя к себе, а меня – нет, черт побери!

– Ну уж тут я не виноват...

– А почему мне знать?? Ведь результатов твоих осмотров так и нет, все наблюдения и наблюдения, мало ли, за *чем* ты там наблюдаешь? Мало ли, *зачем* ты сюда ходишь??

– Послушай, вот сейчас ты уже несешь откровенную чушь. Я хожу сюда ради *вас*. Ради нее. Ради ее здоровья. И ради нашей дружбы, в конце концов! – Да, Халат больше не стеснялся врать. Он вдруг открыл в себе небывалый актерский талант, что очень помогало ему в продвижении к цели.

– И потом, она ведь вовсе не мой тип, ты же знаешь, – вот тут Халат уже не врал. – Вспомни хотя бы мою бывшую.

– Что-то не припоминаю.

– Ну как же? Такая высокая, такая блондинистая и такая... гм... округлая, где положено.

– Все равно не помню.

– Ну, вероятно, тогда мы с тобой просто еще так тесно не общались. Мы ведь с ней уже года три, наверное, как разбежались...

– И из-за чего?

– Непримируемый конфликт интересов. Ну, ты ведь знаешь, как это бывает. В общем, тогда я и решил с головой уйти в работу.

Медведь молчал. Ему слабо верилось в эту историю, но во что-то верить нужно было. И потом, пусть уж лучше правдой окажется эта несуразица, чем то, что лезло в Медвежью голову о Халате и Ангеле...

– Так что не переживай. Я в эти игры больше не играю, к тому же она уже занята – и занята не кем-нибудь, а моим другом. Моим *лучшим* другом. Да что там... моим единственным другом...

Халат прикрыл ладонью глаза. Медведь увидел в этом жесте глубокую печаль, обиду, боль... Он вновь поверил Халату. И через минуту уже просил у него прощения и наливал кофе в две чашки.

Ей наконец удалось поспать.

Она не видела снов, а просто провалилась в черноту накануне вечером и проснулась в районе полудня. Вот только чувствовала себя не свежей и отдохнувшей, а еще более разбитой и раздробленной. Иногда такое бывает после сна, здесь нечему удивляться. Она и не удивилась. Она уже привыкла к такому состоянию. Привыкла, что с самого утра чувствует себя отвратительно. Ее настроение варьировалось лишь от «совсем мерзко» до «все чуть менее мерзко, чем вчера». И она смирилась с этим. Она ждала. Пусть сейчас все видится в мрачных тонах, но ведь Халат отрежет эту пакость, и вот тогда-то все и придет в норму. Тогда она и выспится, тогда и настроение улучшится... У нее теперь очень много времени... Может, потому оно и тянется так нестерпимо медленно...

Она лежала на животе, повернув голову налево. Правая щека прижималась к подушке и, наверное, вся измялась за ночь. Хотя какая разница...

Ее руки были безвольно вытянуты вдоль тела. Ангелу не хотелось двигаться. Она бы так лежала и моргала целый день, если бы могла. Точнее, если бы могла – она бы даже не моргала... Но дышать было сложно, горло упиралось в подушку и пережималось. И к тому же ей хотелось есть. При-

дется вставать...

Она медленно подтянула под себя левую руку, затем правую, оперлась на них и... ой! Она резко села, часто моргая заспанными глазами, так как что-то внезапно впилось ей в ладонь. А, ничего страшного... Сердце успокоилось. Просто маленькое перышко, крохотная пушинка с острой остью. Наверное, из подушки. Хотя, раньше из нее никогда не лезли перья. Погодите-ка... Перья и не могли из нее лезть. Чистая синтетика... Тогда откуда?.. Ее глаза округлились от внезапного холодного осознания. Ангел быстро повернула голову к Крылу. Плохо видно, но что-то с ним не то...

Ангел вскочила и бросилась к зеркалу, вид со спины... Она не сразу поняла, что именно видит. Не хотела понимать. Отказывалась. Оно... Оно...

Оно обрастало пухом. Где-то уже торчали крошечные перышки, где-то кожа была покрыта мелкими пупырышками, как шкурка вареной курицы... Она никак не думала... Хотя, все, в принципе, правильно... Раз это Крыло – ему положено быть с перьями, она же не летучая мышь, в конце концов...

Но ведь она и не птица.

Почему же?.. Но... Хотя... Все верно... Все так и должно быть. Она вдруг поняла это и как-то успокоилась. А чего она ждала? Ведь все правильно. Все так и должно быть. Именно так. А вот что, если...

Она напрягла спину, и Крыло дернулось.

Она испугалась. Отшатнулась от зеркала. Отдышалась.

Сердце успокоилось. Уже более медленно она попыталась снова.

Крыло подчинилось ей.

Оно развернулось во всю свою длину, доставая почти до самого окна. Рраз – и оно сделало взмах, другой, белый пух полетел на белый ковер, затерявшись в нем нетающими хлопьями снега. А она все смотрела в зеркало, немо раскрыв рот. Она зажмурилась, моргнула, но все осталось по-прежнему.

У нее за спиной было Крыло. Настоящее белое Крыло.

И оно слушается ее.

День не задался. Медведь снова находился в неослабевающем напряжении с самого утра. Голова гудела, сердце тяжелым молотом долбило в ребра, душа ныла – и ничего поделать с этим он не мог.

Он уже несколько дней напрочь забывал про повязку на руку, и некоторые особо внимательные коллеги стали задавать вопросы. Неужели он так быстро поправился? Ну рана все-таки была не такая и серьезная. Но ведь было столько крови? А на мне все заживает, как на собаке. А не покажет ли он рубец, рана точно не воспалилась? Нет-нет, все в порядке, не волнуйтесь.

Сложнее всего было скрывать отсутствие шрама. Еще ладно в рабочее время, когда на нем был врачебный халат, но снимая его в конце смены и оставаясь в футболке, или только придя в больницу, он сильно рисковал быть разоблаченным. Медведь очень надеялся, что через какое-то время все наконец забудут про него и про кровь в палате. Люди ведь всегда все забывают. Должны забыть и это... Но почему-то отчаянно хотелось уйти с работы и уехать куда-нибудь, где его никто не знает. И не знает Ангела. И не спрашивает, почему ее давно не видно и какого именно числа свадьба.

Для Медведя все было напоминанием о боли, которую она ему причинила. Она не хотела, он знал это, но боль так

и не проходила. Он лишь все более ожесточался и мрачнел день ото дня, а любая мелочь вызывала перед глазами ее образ – и тогда сердце сжималось и переставало биться на секунду. Она жила с ним рядом – всего только через стенку. Он физически ощущал ее присутствие, но не мог коснуться ее кожи или даже просто увидеть ее. И это выводило его из себя.

Да, ей нужно время.

Но сейчас Медведь шел домой и думал о том, как выломает дверь спальни.

Он просто не может дать ей больше времени. Пусть не говорит с ним, пусть не смотрит на него, но он не может не видеть ее. Он обязан своими глазами убедиться, что она жива и здорова, что с ней все в порядке. Более или менее...

Дом. Подъезд. Лестница. Ключ. Скрип. Нужно смазать петли... Ангел.

Медведь остолбенел, сцепившись взглядом с ее глазами. Это и правда она...

– Привет, – робко улыбнулась и мягко пожала плечами, словно сама смутилась и растерялась больше него. Небрежно заправила за ухо прядь волос, как обычно упавшую на лоб. Господи, как же ему ее не хватало... Только сейчас он понял, насколько сильно она была нужна ему...

– Привет...

Рука потянулась к ее щеке, заправить вновь выбившуюся прядь. Ангел потупилась, сделала шаг назад и сама убрала

волосы.

Рука опустилась.

– Ты будешь ужинать? – она метнулась к Медведю взглядом и тут же отвела глаза. Она определенно чувствовала себя неловко. Словно боялась его... Но вышла к нему.

– Да, конечно.

Она сдавленно улыбнулась и, повернувшись к нему спиной, пошла на кухню.

Какая хрупкая... Она сильно похудела с тех пор, как он толком видел ее в последний раз. Вроде бы, всего несколько дней прошло, но они казались долгими годами. На Ангеле был туго завязанный шелковый синий халат. Тонкая ткань не могла скрыть Крыла. Оно теперь выглядело так, словно по размерам и объему чуть ли не равнялось Ангелу. Но, вероятно, ему казалось. Он просто давно не видел ее. А вся эта сюрреалистическая ситуация просто напроосто была сама по себе слишком неправдоподобной, чтобы все в ней четко запомнить. Это как заядлые рыбаки и преувеличение размеров выловленных рыбин – память, гордость и хвастовство играют с ними шутки на вырост. С Медведем же было наоборот. Память, любовь и страх старались подавить размеры Крыла. Но с реальностью ничего сделать не могли.

Медведь прошел за синим мотыльком на кухню и лишь там понял, что квартиру наполняют полузабытые запахи нормальной человеческой еды.

– Я подумала, что ты придешь голодный, и пожарила кар-

тошку с котлетами, – словно извиняясь, проговорила Ангел. – Я хотела еще салат сделать, но у нас... в доме нет ни одной помидорки.

Они оба заметили ее оговорку. Ангел смутилась. Медведь ободовался. У нас... Значит, «Они» все еще существовали, значит, их «Мы» никуда не исчезло.

– Не страшно, завтра все куплю. Просто я никак не ожидал...

Он уже давно ничего не ожидал, да и свежих продуктов не покупал – сплошь замороженные полуфабрикаты. Ведь зачем стараться, когда в их доме почти никто почти ничего не ест?

– Так накладывать?

– Да, да, конечно! – он смутился, как-то слишком бурно отреагировав на ее вопрос. Он просто не мог поверить в то, что сейчас происходило. Все словно снова было как прежде... Даже лучше. Потому что, не потеряв ее, он не чувствовал бы такой эйфории от их воссоединения. Но можно ли уже говорить о воссоединении? Смеет ли он надеяться... Нет, не нужно спешить. Нельзя ее спугнуть... Ни в коем случае нельзя... Это его шанс... Это их шанс. Пожалуй, единственный шанс... Нельзя его упускать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.